

Холодная вечность

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Ирина Малаховская-Пен

Ирина Малаховская-Пен

Холодная вечность

«Автор»

2019

Малаховская-Пен И.

Холодная вечность / И. Малаховская-Пен — «Автор», 2019

Константин Соболев едет в деревню в сибирской глубинке. Этой деревеньки даже нет на карте, но там происходят невероятные вещи. Жуткие и таинственные. Нашему ученому предстоит разгадать загадку жуткой деревни.

© Малаховская-Пен И., 2019

© Автор, 2019

Ирина Малаховская-Пен

Холодная вечность

– Куда ты собираешься, я так и не поняла? Какая командировка? Нам квартиру надо разменивать. Ты что? Пытаешься увильнуть?

Жена смотрела на Соболева с подозрением. Впрочем, так она смотрела всегда. Или почти всегда. Руки в боки, один глаз прищурен, левая бровь приподнята. Как ей это удавалось? Соболев сто раз пробовал поднять не обе брови сразу, а одну. Кроме гримас большого хроническим запором ничего не получалось. А жена – запросто. Не напрягаясь. Ах, да. Бывшая жена. Они развелись, и им нужно срочно разменивать квартиру.

– Костя! Ты меня слушаешь вообще?

– Я собираюсь в село Позднее, у меня там исследование.

– Это где? Под Рязанью?

– Под какой ещё Рязанью? С чего ты... А, нет. Там Позднее. А Позднее – это Красноярский край. Жуткая глушь. – Соболев вздохнул. – Тань, чего ты маешься? Живи в квартире, я что-нибудь придумаю.

– Ещё скажи, дурью маешься. Не подходит мне твоё «что-нибудь придумаю».

– Почему? По-моему, всё прекрасно устроится. Ты будешь жить в хорошей трешке в центре города, а не в маленькой квартирке в спальном районе. Дай мне поступить по-мужски, что ты выдумываешь?

– Костя... – Жена опустила на диван с тяжелым вздохом и отвернулась. У неё больше не было сил наблюдать, как Соболев собирает свой рюкзак и не обращает на неё никакого внимания. Как и все пятнадцать лет. Ничего не интересовало её мужа, кроме странной науки, изучающей уродства. Тератологии. Жизни с ним не было никакой. Разве могла она вызвать интерес мужа со своими 90-60-90 и красивым лицом? Живая и цветущая? Нет. Только уроды. Только аномалии. Вот и сейчас, он объясняет ей плюсы ситуации, в которой они не станут разменивать квартиру, но по сути ему наплевать. Он занят мыслями о предстоящей поездке в какую-то глушь, где его будет ждать какой-нибудь очередной уродец. Нет. С неё хватит. Отрезать полностью, и никаких точек соприкосновения в будущем. – Костя, я хочу жить в отдельной квартире. Чтобы ты не имел к ней никакого отношения. Я в собачей конуре готова жить! Только чтобы никогда, никогда больше не видеть. Ни тебя! Ни твоих книг! Ни твоих фильмов страшных! Ни твоих исследований!

Она почти кричала. Соболев удивленно вскинул брови. Обе сразу. Посмотрел на часы: э, да так и опоздать недолго.

– Что от меня требуется? Я всё равно уеду, так что просто скажи: что нужно? Доверенность сойдет? Всё сделаешь сама.

– Ну, что поделать. Если тебе на всё наплевать, – поморщилась Татьяна, – давай доверенность. Сделаю сама.

– Идём сейчас, за углом есть нотариус, я всё подпишу. Быстрее, я опаздываю.

Глядя на макушку обувающейся Татьяны, Соболев почувствовал, как кольнуло сердце. Кольнуло и протяжно зануло. С чего она взяла, что ему на всё наплевать? Он же так любил её. Господи, да он и сейчас её любит! Но, раз так надо, – что же. У него нет времени вникать в «зачем», «за что» и «почему». Случилось, значит случилось. Его ждёт самое необычное и интересное исследование за всю его карьеру. Такого ещё не было! Если это не сказки, а Соболев верил своему источнику, то он напишет такую работу! Возможно придется подключать ученых из других областей. Скорее всего, аномалия связана с каким-то искажением в атмосфере. А может быть рядом с деревней есть что-то, влияющее на местных жителей? Чудо-озеро, например? Появившееся на месте некогда приземлившегося космического корабля. Или, откуда мог

взяться такой эффект? Это же буквально волшебство. Всю дорогу до аэропорта и далее Соболев непрерывно думал о месте, в которое направлялся. И было ему как радостно, так и тревожно. А ведь еще две недели назад ничего не предвещало такого поворота. Пока не приехал к нему товарищ...

Товарища, давно и основательно двинутого на паранормальном, звали Виктор Логинов, и когда он без звонка появился в лабораторию к Соболеву, видок у него был тот ещё. Лохматый, осунувшийся, глаза блестят нездоровым блеском. А уж история, привезенная парапсихологом Логиновым из Красноярского края, могла свести с ума кого угодно. Кого угодно, но только не Костю Соболева. Витя рассказывал о произошедшем, периодически сглатывая слюну и оглядываясь по сторонам. Он был нормален, в этом Соболев был убежден, хоть и не был психиатром. Нормален, но до крайности возбужден и взволнован:

– Понимаешь, Костян, я же поехал туда специально к 22 сентября. Подгадывал ещё, крестин! Думал, что это байка. Легенда. Ну, не может же быть, чтоб на самом деле!

– Странно, что не думал. Ты же всю жизнь этому посвятил. Значит, должен верить.

– Да верю я, верю. Но чтобы такое... Думал, сказки, в общем. Слухи пустые. А тут как раз отпуск нарисовался, я его на сентябрь сдвинул. На работе подумали, что я того... с ума сошел. Все летом и на море, а я осенью и в Сибирь.

– Постой, так ты кому-то говорил зачем едешь?

– Да говорил, конечно, говорил. А в чем тайна-то? Ну, вот, мол так и так, есть в сибирской глуши деревенька. Там люди после смерти не лежат в земле разлагающимися трупами, а продолжают ходить среди живых. Ну, ты сам послушай. Ведь как бред звучит. Так?

– А чего ты поперся-то? Если считал это бредом...

– А как, как я мог не поехать? А вдруг! Всегда же она есть, эта тонкая ниточка надежды. И потом, я был уверен, что там действительно есть какая-то аномалия, в деревне этой. Но чтобы такое!

– И что? Действительно НИКАКИХ отличий?

– Костя... – Виктор вытер вспотевший лоб, сглотнул и оглянулся. Кроме них в кабинете никого не было, и эти оглядки уже начинали действовать Соболеву на нервы. – Я клянусь тебе чем хочешь. Кем хочешь. Мамой. Детьми. Своей жизнью. Никаких отличий.

У Соболева не было своих детей, но ему подумалось, что это действительно серьезная клятва. Когда клянутся детьми, врать и сочинять не станут.

– Что – ни внешних, ни эмоциональных, ни поведенческих?

– Абсолютно. Пока не наступит треклятое 22 сентября – все люди, как люди. А после равноденствия снова все люди, как люди. И поскольку на улицу в эту ночь никто из живых не посмотрит ни за что, даже в щёлочку, то тайна мертвых остается их тайной. Друг о друге они, конечно, знают. Но живым их не вычислить. Никак. Тот, кто узнает об этом, попадаясь им в эту ночь, тоже уже ничего не расскажет. Он просто станет кормом.

– Так ведь они, наверное, не стареют! Те, кто умер. Так и можно вычислить, ты чего? Наверняка, местные жители знают кто жив, кто мёртв.

– Я не видел там стариков. Слушай, а я ведь даже не задумывался... Сейчас ты спросил, и до меня дошло. Стариков в деревне нет.

– А дети?

– И детей нет.

– Ужасно... И что, тебе грозила опасность, получается? А как ты спасся?

– Меня спас Пётр. Мужик, лет тридцати. Там же нет никакой цивилизации толком. Машин нет ни у кого. Ну, я уселся на скамейку посреди села и жду, значит. Когда стемнеет. Чтобы увидеть всё своими глазами. Если что-то будет. До этого я весь день по деревне шатался, со всеми заговаривал. Не особо приветливые они там, конечно, но и откровенной агрессии нет.

Я увидел простых людей, каждый чем-то занят. На вопросы они толком не отвечали, ухмылялись да отворачивались. И часам к пяти я просто устал, сел на лавку, достал термос, бутерброды. Стал ждать наступления темноты. Тут и ехал мимо Петя. На телеге с лошадьё, прям девятнадцатый век, честное слово. Остановился рядом со скамейкой, хотя какое ему дело до меня. Спросил: «не местный? Что тут сидишь?» Ну, я ответил, что тут у них творится что-то странное, мол, жду, чтобы увидеть самолично. Он мне и сказал, что если я не полный идиот и хочу ещё пожить, то должен идти с ним. Ну, а если я приехал, чтобы покончить с собой – могу сидеть дальше.

– И ты ему сразу поверил?

– Ты знаешь, да. Он как-то так спокойно это сказал. Но глаза при этом... В общем, серьезные у него были глаза. Я пошел с ним. Пётр привёл меня в свой дом, и лошадь завел внутрь. Я удивился, а он мне и говорит: «а что ты так смотришь? Лошадь, она ведь тоже жить хочет». Ну, потом он закрыл двери, окна, ставни железные на замках. Вдоль подоконников и порога насыпал соль, и повесил осину. Я думал, что осиновые колы – это же для вампиров. А Петя ответил, что «нечисть она нечисть и есть, и против неё все средства хороши». Вот так.

– А потом?

– А потом была ночь. – Выдавил Виктор. – Я ничего не видел. Зато наслушался вдоволь.

– Чего именно?

– Прости, друг. Я не то, чтобы описывать. Я думать пока об этом не хочу. Не могу. Прости.

– А что наутро?

– А наутро всё по-прежнему. Светило солнце. Люди занимались своими привычными сельскими делами. Пётр сказал, что нигде не нашли Зою из соседнего дома. Отец искал по всей деревне, причитал, всплескивал руками. В общем, мрак.

– Так как же? Если все знают? Не успела добежать до дома затемно?

– Её родитель выдвинул именно эту версию. Мол, может забыла какое число, шла из лесу, но...

– Что? Да говори же уже!

– Пётр считает, что это он.

– Кто? – Выпучил глаза Соболев.

– Илья. Отец Зои.

– Отец убил дочь?! Как это?

– Убил и съел. Умер он, видать. Или, может, погиб. А там же это никак не узнать если, например... Ну, умер ночью во сне. А утром встал, и ходит, как ничего не было. Она и не знала. Пока не закрылась с ним в доме в эту проклятую ночь.

– Слушай, ты рассказываешь какие-то ужасы.

– Ты не веришь мне? – Логинов поднял на Костю лихорадочные глаза.

– Спокойно, спокойно! Я тебе верю. Но это уже за гранью. Это не помещается в моей голове. Чтобы отец сожрал свою дочь. Может всё-таки она забыла дату и не вернулась вовремя?

– Он уже не отец. И даже не человек. Хотя выглядит и ведет себя в основном как человек. Но он по сути зомби. И в эту ночь они ведут себя именно как зомби. А дату Зоя ни за что бы не перепутала, за календарем они следят там очень строго. От этого зависит их жизнь.

– А почему 22 сентября?

– 22 марта ещё. Два дня в году. В остальное время всё спокойно. Ну, я тебе в общем-то всё рассказал.

– Мда...весеннее и осеннее равноденствие. Слушай, а если, например, человек умер не своей смертью. Ну, зарезали, утонул, я не знаю. Упал и кости все переломал.

– И что?

– Как они потом ходят среди живых, такие? Они же покалечены?

– Вот ты чудак-человек! Да затягивается это всё на них. Заживает, как на собаках. Говорю тебе, мистика чистой воды. Я всю жизнь занимаюсь паранормальным, но чтобы такое...

– Заживает на мёртвых. Гениально! И что, вообще никаких предположений о причинах этой мистики?

– Нет. И в слухах тоже никаких деталей. Сам факт есть, а что послужило причиной – никто не знает.

– Я уверен, что медицинские исследования покажут, кто жив, кто мертв.

– Да они тебя пошлют куда подальше с твоими исследованиями. Притом и живые, и дохлые. Опять же, и в чём смысл?

– Да как в чём? Привлечь общественность. Вывезти их оттуда, мертвых похоронить, землю исследовать. Водоемы опять же. Что-то там точно есть, не на пустом месте такое происходит.

– Ага. Никто до тебя не вывез, и ты ничего не сделаешь. А привлечением общественности ты рискуешь наклеить на себя диагноз. Местных же видимо всё устраивает. Эти... Они монстры только дважды в году, а 363 дня они люди. Обычные люди. Притом, вечные. Про них практически никто не знает. Вокруг деревни, как я понял, ходят слухи. Но на этом всё.

– Нет, я всё-таки одного понять не могу. Почему там не стареют живые, если они там, как ты говоришь, есть. Основная масса. Так бы можно было их различить. Там что, не одна аномалия, а несколько?

– Костя, насколько я могу предполагать, в селе все друг про друга знают, кто жив, а кто мертв. Это не мешает им общаться в обычные дни. Кроме двух ночей в году. Посвящать посторонних в свои тайны они не намерены! Просто живые как могут стараются обезопасить себя в эти даты. И, да. Стариков и детей я там не видел. Не знаю, одна аномалия там, или десять. Но факт остается фактом.

– Но как же так?

– Ну... Вот так. Может быть просто никто не хочет дряхлеть. А зная свою участь, кто мешает покончить с собой и существовать дальше? Никто. А кто откажется? Вот ты бы отказался?

– Отказался бы! – Твёрдо сказал Костя.

– И почему же?

– Да ты что, Вить? Быть непонятно кем, да ещё и вечно. Питаться человечинной два раза в год. Ты действительно думаешь, что это привлекательная перспектива?

– Ну, да, да, ты прав. А все равно. Заманчиво.

– Да, тьфу, пакость! Ничего заманчивого. Но, я хочу сам посмотреть на эту дьявольщину. У меня отпуск как раз накопился, а жене скажу, что в командировку. Ты едешь?

– Нет, брат. Я пас. Может быть позже, но пока я даже думать не хочу, что когда-то ещё окажусь в этом месте. Как Татьяна? Как у вас дела? Торчишь тут сутками, наверное. Обижается.

– А, да нет. Уже не обижается. Мы же развелись. Всё привыкнуть не могу.

– Как?!

– Как-как. Как все люди разводятся. Ну, ладно. Точно не поедешь?

– Не поеду!

– А я могу у этого Петра остановиться? На тебя сослаться, как думаешь? Ему можно позвонить?

– Да нет же, говорю тебе, никак ему не позвонить. Цивилизации ноль. Но, думаю, ты вполне можешь у него остановиться, скажи от меня. Однако, должен предупредить, что рад тебе там никто не будет. И про анализы свои забудь. Никто тебе помогать не станет.

– Я всё ж таки попробую.

И в аэропорту, и в самолете, и в электричке, и в такси Костя проматывал разговор с Логиновым у себя в голове, и думал, что же его ждет в загадочном Позднем. Такси остановилось около леса, Соболев очнулся.

- Приехали что ли? Или сломался?
- Дальше не поеду. Вот тут, через лес около пяти километров, и ты на месте.
- Ничего себе! Прилично...
- Дальше не поеду! Хоть убей.
- Да что такое-то?
- Нормально всё. А тебе чего там понадобилось, в Позднем?
- Я тератолог. Буду местных жителей изучать.
- Ну, изучай-изучай, ученый. – Хмыкнул таксист. – Жителей.

Взял деньги и уехал. Вот так номер. Ничего такого Логинов ему не рассказывал. Или что? Так был впечатлен самой деревней, что прочие детали вылетели из головы? Ну, да ладно. Погода пока не особо зверствует, можно и прогуляться. Скоро уже выпадет снег, но Соболев предусмотрительно положил в свой огромный рюкзак зимнюю одежду и обувь. Хотя, неизвестно, сколько он тут сможет пробыть незваным гостем. Дорога была вполне себе хоженной. Видны были следы ботинок, и отпечатки колес, судя по ширине, от телеги. А вот и отпечатки копыт. Костя достал телефон. От шкалы сотового оператора осталась одна малюсенькая полоска. Соболев был уверен, что скоро пропадет и она. Куда его понесло? Спокойно, Соболев, спокойно! Ты стоишь на пороге чего-то действительно таинственного. Не малодушничай! Вперед!

Уже стемнело, когда Соболев добрался до Позднего и нашел дом по туманным описаниям Виктора. Всё-таки здорово он тут обделался, парапсихолог, блядь. Ну, ничего, неизвестно ещё, что будет с ним самим в этом странном месте. Костя увидел свет в окнах домов, электрический. Уже что-то. Хоть не при свечах живут. Без сотовых, без связи с миром, но хотя бы со светом. Соболев стукнул в дверь. На пороге почти сразу появился мужик.

- Ничего себе! – воскликнул Соболев. – Вы что, стояли за дверью?

– Больно надо. Я по животным смотрю. Лошадь в загоне, слышу, фыркает. Собака в доме вся извертелась. Значит чужого кого-то принесло.

- Слушайте, точно! Животные! А они разве не чуют мертвых?

Пётр – если это был он – от неожиданности крикнул. Костя понял, что пора объясниться, а то, пожалуй, придется ночевать на улице. А то и в лесу, от греха подальше.

– Моя фамилия Соболев. Константин Соболев. Я ученый, тератолог. Изучаю физиологические аномалии. Мне Логинов про вас рассказал, Витя. Он тут недавно у Вас... гостил. Можно войти? Я заплачу.

- О как. Это за что же?

- За ночлег.

– Деньги тут не такая уж большая ценность. В селе и магазина-то нет. Да, входи. Чай не звери, люди. Разберемся.

Костя шагнул было внутрь, но застыл одной ногой в доме, другой на крыльце.

- Чего замер?

- Я заранее прошу меня простить за этот вопрос. Вы живой?

– Ох, грехи наши тяжкие! А хоть бы и нет? Октябрь на дворе. Друг-то рассказывал, наверное. Входи, хватит хату студить.

Тяжелая дверь захлопнулась за Костей. Он оказался в доме с жителем села, то ли живым, то ли нет, но это вроде как в данное время года и неважно. «Маразм, – подумал Соболев. – Кажется, я начинаю сходить с ума. И это в первый же день здесь».

В доме у Петра было тепло и уютно, хотя и несколько аскетично. Чувствовалось, что женщина тут не живет. Одиноким мужиком лет тридцати с хвостом, и что это может означать?

Вдовец? А тут бывает такое? Хм. Никогда не женился? Тут Соболев обратил внимание на большой рюкзак, стоящий у печи. Почти как у самого Соболева, только не фирменный, а обычный, защитного цвета.

– Вы куда-то собираетесь?

– Собираюсь... Как тебя там, я забыл?

– Костя. Константин Соболев.

– Ну, да. Собираюсь уезжать, Константин Соболев. В город, к сестре. Раньше ей не до меня было. Своя семья: муж, дети. А сейчас живёт одна, зовёт к себе. Подумал-подумал. Решил ехать.

– А куда у неё все делись?

– Мужа схоронила, дети выросли, своей жизнью зажили. А ей скучно. Да и трудно женщине одной. Поеду.

– Так она, наверное, могла бы нового мужа найти?

– В шестьдесят-то лет? Ну, не знааааю. Может и могла бы.

– Это она Вас настолько старше?! – изумился Костя.

– Насколько – настолько? На десять лет всего.

– Вам что, пятьдесят лет??? – изумление готово было выплеснуться наружу и потечь по полу куда глаза глядят. Соболев смотрел на мужика, которому от силы было лет сорок на вид. В самом крайнем случае сорок. А может даже и тридцать. Но пятьдесят!

Соболев присел на стул, не дожидаясь приглашения. Зажмурился, потер лоб рукой. Подумал, что охота протереть глаза. Чтобы стряхнуть с себя остатки сна. Протереть глаза, а открыв их увидеть свою московскую квартиру. И жену. Даже не кабинет на любимой работе, а именно квартиру и жену. Но он был реалистом, и понимал: три глаза, не три, а открыв их увидишь простецкую обстановку, и мужика, собирающего вещи в дорогу.

– Да. Незадача.

– Что такое?

– Да я просто думал попроситься у Вас погостить. А Вы вон... уезжаете.

– Да ты че, милый? Думаешь, я тебя на улицу выставлю? Гости себе. У меня даже и припасы есть в погребе. Приехал на край света, и думаешь, тут порядки как в столице вашей? Зря ты так. Не жалко мне, живи себе да живи сколько надо.

– Как-то мне не по себе. А Вы когда собираетесь?

– С утра. Это даже хорошо, что ты приехал. Очень мне жаль Монику соседям оставлять. Присмотришь? В качестве благодарности за гостеприимство.

– Моника – это собака?

– Моника – это кобыла. В конюшне. Я вроде договорился с соседями слева. Но душа всё равно болит.

– А кто слева? Илья, отец пропавшей Зои?

Петя странно посмотрел на Соболева.

– Нет. Илье я не особо доверяю. Теперь не доверяю. Он справа.

– А собачку как зовут? Её тоже оставите?

– Слушай, ты можешь говорить мне «ты»? Мне как-то... дискомфортно.

Соболев задумался. Осмотрелся по сторонам. Не увидел телевизора.

– Телевизора нет?

– Есть. Но не как телевизор работает. Там приставка к нему. С дисками. Фильмы смотреть.

– Понятно... Так как зовут Вашу... твою собаку?

– Собаку зовут Гэри.

– Странные имена у Ваших... твоих животных. Почему не Маша и Гриша? Почему Моника и Гэри? Что за фантазии? Ты уж прости, Петя. Правда странно.

– Странно, говоришь... Да ничего странного. Мне нравится Моника Беллуччи, я смотрю с ней все фильмы. Стараюсь. Сейчас у всех интернет, дисков почти не продают. Мне на заказ записывает парень один из райцентра. Предлагает: хочешь, мол, про то, про сё посмотреть. А я как раз лошадь купил на рынке, когда он предложил про вампиров мне записать пару фильмов. Ну, и записал. Фильм «Дракула» смотрел?

– Который из?

– Да с Моникой же! 1992 года.

– Не помню там Монику...

– Роль небольшая. Но она там всё равно самая красивая.

– Это дело вкуса.

– Не спорю. Но мне понравилась. Я, недолго думая, назвал лошадку Моникой. А чего?

Она же не узнает. А значит, не обидится.

– Кто? Лошадь? – поразился Соболев.

– При чём тут лошадь? Моника.

– А собака?

– Гэри-то? Ну, в честь Олдмана. Хорошо он сыграл кровососа этого.

– Вам тут своих-то не хватает что ли?

– У нас не вампиры.

– Да я знаю... А кто? Зомби?

– Просто, живые мертвецы, видимо. Кстати, такое кино тоже есть! Только там они сделаны для устрашения.

– Знаю-знаю. Старый фильм, шестидесятых еще.

– Ну, так и вот. А Гэри я с собой забираю.

– Как?! – не сдержал возгласа Соболев. – Как с собой?

– А ты чего ж хотел? Это мой самый близкий друг. А учитывая обстоятельства – можно сказать единственный.

Соболев задумался о том, как попросить гостеприимного хозяина не забирать алабая. Большого, плюшевого, но ощутимо грозного и опасного, если понадобится. Гэри. Названного в честь актёра. Занимающего полкухни. Интересно, почему он вообще в доме? Кто в деревнях держит собак в доме? А ещё думал Костя о странностях хозяйской речи. То он говорил, как крестьянин-сибиряк. А то, как преподаватель с кафедры словесности. Мутная деревенька, конечно. И хозяин мутный. Но не злой, это Соболев ощущал даже своим, обросшим скепсисом, чутьем. Он собрался с духом и начал свой просительный спич.

– Петя, я понимаю всё про дружбу, хоть я и не собаковод. Он вон у тебя в доме. И чувствует себя, судя по всему, неплохо. Не все люди в таком комфорте живут. А сестра-то знает, что ты ей в городскую квартиру такого теленка привезешь? Может ты пока один поедешь? Подготовишь её как-то морально. А Гэри тут со мной поживет. Я обещаю быть ему хорошим другом: гулять, кормить. Разговаривать с ним, если надо. Ну, а когда соберусь уезжать – я тебе его привезу. До двери доставлю. Адрес напиши только.

– Боишься? – прищурился Петя.

– Да. – выдохнул Соболев и посмотрел на хозяина дома с мольбой в глазах. Всю мольбу, которую смог сгенерировать, вложил во взгляд. Костя был не умелец и не любитель просить. Но с трудом представлял, что останется тут совсем один. Он бы и хозяина оставил, уговорил бы не уезжать, но это было невозможно. Хозяин уже всё решил. Но может сжалится и оставит собачку? Ну, пожалуйста!

Собака подняла голову. Смотрела на мужиков с подозрением. Кажется, до Гэри наконец дошло, что решается именно его судьба. Пётр подошёл к своему огромному другу, положил руку на лобастую башку. Между ушей. Пёс не шевелился. Петя сидел на корточках тоже будто

застыл. Алабай отмер первым. Проворчал что-то вроде вау-вау-фррбррму и снова устроил свою огромную голову на мощных лапах. Хозяин почесал пса за ухом и поднялся с корточек.

– Он согласен. Побудет с тобой. Не могу сказать, что нас это радует. Но, я понимаю, как тебе страшно. Смотри, береги его. И привези мне. Адрес я напишу! И телефон у сестры есть, его напишу тоже. А ты мне свои координаты оставь, на всякий случай.

– Да-да, конечно. – Засуетился Соболев. – Сейчас всё запишу. Спасибо тебе. Вам. Вам обоим огромное спасибо!

Костя полез в рюкзак, вытянул блокнот и ручку.

– И за лошадку не волнуйся. Да за то, что ты мне пса оставляешь, я твою Монику на руках носить готов.

– Слушай, Костя. На самом деле, тебе нечего бояться вплоть до 22 марта. Слышишь?

Соболев повернулся к хозяину и молитвенно сложил руки.

– Ты не понял. Я оставляю Гэри. Не оставил бы, если бы он отказался категорически. Но у моего пса доброе сердце. Я просто пытаюсь тебе объяснить, чтобы ты не трясся тут. Нечего тебе бояться. Я не думаю, что ты приехал на полгода.

– Да, нет конечно. Я думал, за месяц управиться. А кому лошадь потом оставить?

– Соседу слева. Володе. Ну, ты познакомишься. – Пётр задумался. Посмотрел в темноту окна. На собаку. Потом снова на Соболева. Выдержал паузу. – Слушай, Костя Соболев, иногда всё идёт не так, как бы нам хотелось. Да что там, иногда. Часто. Так вот, на тот случай, если ты не выберешься отсюда до марта...

– А почему я могу не выбраться?

– Например, в лесу заметет дорогу снегом.

– Ого...

– Так вот, ого. Если такое случится, я объясню тебе, как сохранить жизнь, закрывшись в доме. И живность мою тоже, будь добр, спаси. Ты уже понял, что связи тут нет?

– Понял.

Хозяин подошёл к печке, отдернул штору, и Соболев увидел календарь. Простой настенный календарь, которые были у каждого в доме при советском строе. Соболев стукнул себя по лбу.

– Петя, у меня же есть сотовый. А тут есть розетки. Связи нет, но календарь в мобильнике есть, он отсчитывает дни независимо от сотовой связи.

– Ну, или так. Но за датами смотреть в оба. Это понятно?

– Конечно! Конечно понятно.

– Ну, а теперь слушай, как тебе действовать, если застрянешь не дай Богу тут до весны...

Спать они легли сразу, после короткого инструктажа. Пётр пояснил, что уйдет на рассвете, и, если Соболев проспит – пусть не пугается. И не забудет про животных. Кормить, убирать за лошадь. Пса отпускать гулять, но следить за ним. Лучше всего, вместе с ним ходить по деревне. Соболев будет изучать обстановку, а Гэри вдоволь нагуляется.

Хозяин уже давно спал, а Соболев всё думал о своем авантюрном путешествии. Он не рассчитывал остаться один в пустом доме. Надеялся поговорить с хозяином, выведать хоть какую-то информацию. Хотя бы краткую историю про деревню: как давно она стоит. Кто построил тут первый дом. Откуда и когда взялась эта мистика с бродячими трупами. И Пётр вроде бы как и не против был рассказать что-то Косте, но отговорился ранним подъемом. Пора спать, говорит, и всё тут. Сам мол разберешься, затем ты и приехал. По поводу крови, которую Соболев хотел взять у местных для исследований Пётр посмеялся и сказал, что никто кровь сдавать не будет. Это точно.

– И ты не будешь?

– И я не буду. А зачем тебе кровь? У тебя что, лаборатория с собой в рюкзаке?

– Ну, лаборатория не лаборатория, а так... Кое какие реагенты с собой, микроскоп портативный, ну пробирки, стекла, и прочая мишура. В общем, должно что-то быть в крови аномальное у тех, кто умер. Я уверен.

– Забудь об этом, учёный. Мой тебе совет, пошли утром вместе в райцентр на автобус. И домой, а?

– Ну, нет. Зря ехал что ли?

– Нет так нет. Спокойной ночи.

Хорошо сказать, спокойной... а сна нет как нет. Мысли бегают по кругу в голове. Смешиваются в клубок, тянут друг друга за хвосты. Перебивают одна другую. Что за жизнь мы живём? Соболев повернулся с боку на бок. Вздохнул. Мы постоянно думаем. Не можем не думать. Вот сейчас он думает о ближайшем будущем. Как пройдет его завтрашний день в чужом месте? Как отреагируют на него все эти люди, часть из которых, судя по всему, и вовсе не люди? Да, тьфу, что же такое! Какой смысл об этом думать? Ну, как отреагируют, так и будет. Ведь нельзя на это повлиять, а уж тем более заранее. А уж тем более, мысленно. Соболев принялся думать про хозяина дома, который щедро уступил ему свою кровать, а сам лёг в кухне на печи. Только зайдя в комнату, Соболев начал понимать, почему Пётр в основном говорит складно и грамотно, а не от сохи. В комнате поблескивал квадратным стеклом сервант. А из-за стекла выглядывали корешки книг. Среди ночи Костя не полез смотреть, что за литературу читает хозяин, решил, что изучит потом. Но книг было очевидно много, они стояли плотными рядами. Детективы, наверное? Завтра при свете дня Соболев посмотрит, что там. Может и не детективы. Хозяин вроде как и неглупый мужик. Сказал очень интересную вещь. Как раз про мысли. Что мы слишком много времени проживаем в своей голове. И это здорово отвлекает нас от реальности. Снижает уровень внимательности. «Зачем тебе брать кровь, учёный – сказал Пётр, глядя на Соболева проникновенным взглядом, – останови поток мыслей, погрузись в себя, и посмотри из глубины души на человека. В глаза ему загляни. И ты увидишь его душу. Ну, или не увидишь. У мёртвых души нет».

Лёжа на боку в лёгкой дрёме, которая бывает только перед утренним пробуждением, Соболев почувствовал, что на бедро как будто поставили гирю килограммов на шестнадцать. Правда, от гири было тепло, как от нагревающегося утюга. Что за фигня? Кто мог положить на него что-то тяжёлое и тёплое? Соболев повернулся на другой бок, стряхнув тяжесть, открыл глаза и чуть не заорал. Эскадрон мыслей пролетел по голове: снежный человек, белый медведь, мохнатый инопланетянин, захвативший его московскую квартиру. Существо смотрело с упреком: «ай-ай, тебе меня доверили, а ты дрыхнешь тут. Хотя давно уже должен меня вести на прогулку. Приходится тебя будить осторожненько, чтобы не раздавить лапой. Ну, что уставился? Вставай уже, веди на улицу. У меня нет полномочий самостоятельно гулять. Странный какой-то. Зря я его охранять согласился. Замер и смотрит. Ждёт чего-то что ли? Может встать стесняется? Отвернуться надо? Ну ладно... Чудной мужик. Надо было с папкой уезжать. Пожалел гостя, вот и терпи теперь». Огромная морда с ворчанием отвернулась от кровати, существо вышло за дверь. Точно! Это же Гэри. А он, Соболев, вовсе не у себя дома, в Москве, а где-то у чёрта на рогах в Сибирской деревушке. И пса ему оставил уехавший к сестре хозяин. И беречь велел. И, кажется, гулять и кормить. И лошадь ещё кормить. И убирать за ней. Господи, во что он влез?! Костя заворчал не хуже алабая, скинул одеяло и спустил ноги на холодный пол. Прекрасно. Ещё ему, кажется, придется самостоятельно топить печку, справлять нужду на улице и носить воду из колодца. И никаких перспектив в деле, ради которого он сюда приехал. Гэри снова заглянул в комнату, на этот раз только половиной головы с одним, совсем уж погрузневшим, глазом.

– Да иду я, иду. Ну, извини. Мне туда тоже надо, получается. Покажешь мне удобства местные заодно. И, кстати, нечего ворчать. Это у вас тут утро. А в Москве ещё ночь глубокая. У меня джетлаг, между прочим.

– Рррр. – Угрюмо отозвался алабай.

– Ну, вот и договорились.

Снег ещё не выпал, но прозрачный воздух как будто уже пах зимой. Наверное, надо съездить в большой поселок, как там его, райцентр? Правда, лошадь запрягать и понукать её тоже для Соболева было из области фантастики. Может так сгонять? На своих двоих, с рюкзаком? Обратно на такси, хотя бы до леса. Купить самое необходимое. Надо проверить, что есть в погребе. А мясо и молоко, наверное, можно приобретать у местных. А этого куда? Костя смотрел на алабая. С собой? Или дома оставить можно? Наверное, надо на всякий случай с собой. На два случая. Во-первых, для собственного спокойствия. Он вроде умный, и обещал своему хозяину защищать гостя. А во-вторых, Соболев вовсе не был уверен, что покинув деревню он захочет в неё вернуться. Нет, вернуться, конечно надо. Но вдруг инстинкты возьмут верх над любопытством, и он купит билет на электричку до Красноярска? Тогда, получается, собаку лучше оставить. Чтобы ответственность за Гэри не позволила ему смыться. Алабай как будто и правда не глупый. Без лишних напоминаний, будто всё понял, провел Соболева вглубь двора к деревянному туалету, а сам уселся в пяти метрах ждать. В своем дворе не стал ничего метить. Прямо выпускник кадетского корпуса, а не собака.

Когда Соболев гулял за забором, ожидая, пока Гэри сделает свои дела, к нему подъехал на велосипеде почтальон. Надо же! Ну вот, и почту сюда, оказывается, возят.

– А как же! Возим. Через лес на велосипеде. У меня таких деревенок несколько. С трассы съезжаешь, и поодаль они, родимые.

– Из райцентра возите?

– Из него. А вы родственник Петра?

– Ну... в некотором роде. Поживу пока на хозяйстве.

– А что? Дело хорошее. Свежий воздух. Всё своё: овощи, молочко.

– Тут, прямо в деревне, можно купить молока?

– А чего же нельзя? Всё можно. И сметану, и творог. Вы первый день, что ли?

– Да. Ещё не осмотрелся толком.

– Ничего. Везде люди живут. Всё отыщете. Как звать-величать-то вас?

– Костя. А вас?

– Меня Семён Аркадьевич. Но можно просто Семен.

Люди. Люди... Соболев смотрел на почтальона, как будто что-то от него ждал. Ему не хотелось задавать никаких вопросов. Вопросы-то были странные. В первый же день прослыть сумасшедшим Костя не спешил. Может быть потом, если они познакомятся с просто Семёном получше, Соболев задаст какие-то наводящие вопросы. Алабай Гэри неожиданно напряг холку, которую Костя почесывал. Послышались быстрые лёгкие шаги и к ним подбежала девица лет двадцати пяти. Одета не по-деревенски стильно, с прекрасными гладкими волосами. Взглянув мельком на Соболева, девица татараторила:

– Дядя Сёма, привезли? Я жду-жду. Думаю, пробежусь, поищу вас. Нет сил терпеть, очень уж посмотреть охота. Ну что?

– Да не стрекочи ты, аж в ушах зазвенело. – усмехнулся Семён. – Привёз, привёз. Вот, держи.

В руках у девицы оказался свеженький блестящий Cosmopolitan. Она прижала его к груди, зажмурилась от счастья, а открыв глаза снова посмотрела на Соболева. Только уже дольше. Внимательнее. Слегка качнула головой и улетела, как и не было её.

– Ничего себе. – хмыкнул Соболев. – Кадры тут у вас.

– Да, бывают. – почтальон смотрел вслед девице, хотя след её давно уже простыл. – Ну, а ты, Костя? Подписку какую оформлять будешь?

– Подписку?! – изумился дитя интернета Соболев. К этому ещё надо привыкнуть, чёрт побери.

Соболев спустился в погреб и закопался там в банках. Знал бы – сроду не полез. Он-то, горожанин, думал, что припасы – это припасы. Пара банок соленых огурцов да пол-ящика картошки. Петр же оказался припасливым сверх всякой меры. Под полом было холодно, но перебирающий не кончающиеся соленья, учёный вспотел. А это что? Ого. Похоже, сало. Маринованное с красным перцем. Пожалуй, сало он захватит наверх. Соболев покрутил головой. Оценил аккуратные ящики с овощами. Брать овощи, не брать? Вон и ведерко приготовлено. Как раз Гэри надо суп сварить. Да Костя и сам от супа не отказался бы.

– Вр-вр-вр. – Раздался сверху недовольный бас алабая.

– Да сейчас, сейчас. Овощей наберу и будем варить тебе супы да каши. Ну, и я заодно уж поем. Воу! А тут у нас что?

Соболев даже подпрыгнул от радости. На стеллаже у дальней стены стояли в ряд бутылки. Даже в несколько рядов. Ровных, красивых рядов. Жидкость в бутылках была то ли чайного, то ли апельсинового цвета. Не того мутно-серого, какой обычно бывает у таких жидкостей. А яркого. Она была почти прозрачной. Но одного только взгляда было достаточно, чтобы понять, почувствовать напряженным от страха сердцем – это не она, это – ОН. Самогон. Настоящий домашний первач. Соболев взял бутылку с полки, благоговейно посмотрел на неё, едва удержался, чтобы не поцеловать, и аккуратно положил в ведро для овощей. Он уже было собрался набрать с собой наверх картошки, моркови и свёклы, как взгляд его привлек огромный пакет в углу. На пакете была нарисована собака, отдаленно напоминающая Гэри. Цвет другой, да и не такая солидная, наверное. Помельче. Соболев не особо разбирался в размерах и весах, но этот пакет тянул килограммов на двадцать точно. Рядом стояло пластиковое ведерко. Костя понял, что кажется спасен на сегодня от стояния у плиты. А точнее, у печи. Набрав в ведерко собачьего сухого корма, – притом это оказалось с непривычки не такой уж простой задачей, – он прихватил второе ведро, в котором стояли самогон и банка с салом, и полез наверх. Алабай встретил Соболева с недовольным видом. Понюхал одно ведро, второе, отвернулся, отошел и залёг в углу, пробормотав какое-то заклятие. Соболев не имел опыта общения с собаками, но без интернета и на чистом деревенском воздухе, кажется, потихоньку начинал возвращаться к первобытному состоянию человека. По крайней мере, ему показалось, что алабая он понял. Гэри проворчал что-то вроде: ну, вот, обещал, что суп сварю, а сам сушек мне принёс. Костя посмотрел на грустную животину и ободряюще сказал:

– Завтра сварю. Честное слово. Ну, дай ты мне адаптироваться, не будь эгоистом.

Соболев насыпал из пластикового ведерка в миску алабаю сухой корм, а из алюминиевого ведра достал свои трофеи: самогон и сало. Лошадь была обихожена Соболевым перед тем, как он полез изучать содержимое погреба.

Хлеба в доме не было. Была мука в шкафу, была большая пачка сухих дрожжей. Печь он затопил, когда они с Гэри вернулись с улицы. Хлеб можно было испечь. Но... Печь хлеб Соболев решительно не умел. А самогон с салом без хлеба представлялся ему грустным праздником. Конечно, в наши дни не уметь готовить – это вообще не проблема. Открыл гугл, запросил любой рецепт, и готовь – не хочу. Но тут отсутствовал интернет. До вечера было время, днём Соболев пить не собирался. Поэтому он решил перекусить и пройтись по округе. Начать с соседа слева, которому потом следовало передать лошадку Монику. Вообще Костя бы её отдал хоть сейчас. Он был слишком впечатлён уборкой навоза из загона. Да. Так он и сделает. Пойдёт к соседу Володе и спросит рецепт хлеба, а заодно выяснит, нельзя ли ему прямо сейчас сбегать кобылу. Нафига вообще ему сдалась эта лошадь? Можно же купить у кого-нибудь жигули по дешевке в том же райцентре, и чувствовать себя спокойнее и увереннее. Точно! Он поедет

и купит недорогую машинёшку, чтобы выезжать на ней за пределы деревни. Интересно, а у местных жителей неужели нет машин? Что, ни у кого?

Один момент только смущал Соболева. Слово, данное Петру. Когда Костя умолял хозяйина не забирать собаку, испытывая отвратительные спазмы внизу живота, как всегда, когда был сильно напуган, он обещал Монику чуть ли не на руках носить. А чуть навозу понюхал, так и в кусты? Нехорошо. Соболев вздохнул. Он не стал бы утверждать, что был чрезмерно порядочным человеком. Обычным человеком он был. Живым. И поэтому, с недостатками, как все обычные живые люди. Мог и опоздать, и забыть. Да и наплевать мог. Но тут стало как-то очень совестно, когда вспомнил разговор с хозяином дома, в котором жил безвозмездно, то есть даром. Значит, лошадь пока остается. Будем убирать и кормить, куда деваться. А к Володе пойдём за рецептом домашнего хлебушка. Ну, и начнём опрос потихоньку. И может даже сегодня, пока хорошая погода, стоит съездить и попытаться купить себе авто. Гэри спокойно ходит рядом, его можно взять с собой. Глядишь, увидят такую псину и цену на машину снизят. Соболев ухмыльнулся и осмотрел кухню на наличие поводка. На всякий случай. Не особо надеясь найти, впрочем. Но поводок был. Висел рядом с входной дверью. Крепкий, брезентовый, безо всяких новомодных рулеток, с которым вальяжно прогуливаются собаководы по столице. Соболев снял поводок. Гэри поднял ухо.

– Это на всякий случай. Пойдём в райцентр. Чтобы люди не очень тебя боялись. Кстати, пешком далековато, будем попутку ловить. Намордника нет, что ли?

– Хрр. – презрительно высказался алабай.

– Вот не посадят в машину, посмотрю я, как ты тогда пофыркаешь. – назидательно произнёс Костя. – Чёрт! Я в этой деревне сойду с ума за сутки. Я всерьёз разговариваю с собакой. Видела бы меня Таня. Она бы не разводиться пошла, а брак аннулировать сразу. Всё! Выходи. Идём к соседу и едем за машиной. И за хлебом. И за кулинарной книгой. Да не тормози ты в дверях! Тебе понравится.

Пока Костя закрывал дом, алабай чинно вышел на дорогу и приготовился к дальней прогулке. Всё-таки он был очевидно не глуп. И Соболеву даже стало жаль, что их диалог протекает в таком одностороннем порядке. Если бы Гэри мог отвечать что-то кроме грр и фррр, хотя бы немного. Ну хоть слов двадцать-тридцать, как попугаи. Вот было бы счастье. Соболев подошел к поджидающему его псу. Посмотрел на часы, потом на дорогу. По логике, они всё успевали. Значит, если заглянуть к Володе на минуту, хотя бы просто познакомиться, ничего страшного не будет.

– И чего ты уселся на дороге? Я же сказал, к соседу сначала. – Соболев помнил, что Володя слева. Вот только не знал, как определять: лицом к дому, или спиной? Да, задачка. После Витиных рассказов к Зоиному батю забрести не хотелось. Даже в безопасное время. Что же делать, что же делать. Он встал лицом к дому, повернул влево и пошёл. Пёс радостно затопал рядом. Видимо, интуитивно Соболев сориентировался правильно. Калитка у соседа была открыта, как и везде в этой деревне. Костя прошёл во двор и покашлял. Стучать в дверь пока не стал. Чертов трус! Он боялся заходить в их дома. Надо было всё же выпить с утра. Но как тогда покупать машину?

Из огорода послышался приближающийся шорох шагов. Следом появился крепкий мужик с лопатой, на вид лет тридцати. На вид они все тут молодые, подумал Соболев. Кроме наезжающего по утрам почтальона. Чёрт его знает, сколько этому мужику лет по документам. И зачем ему лопата. Соболев, успокойся! Мало ли зачем человеку лопата.

– Что-то хотели? – спросил крепыш. А Соболев подумал, что и этот, наверное, книги читает. Вежливый. А что им тут делать-то? Только книги и читать. – О! Гэри! А ты почему не уехал?

Мужик чесал здоровую голову пса, Гэри только что не мурлыкал. Соболев прочистил горло и решил заговорить.

– Здравствуйте, вы Володя?

– Я Володя. А вы?

– Я, собственно, живу с вами по соседству. Временно. Петя уехал, ну вы знаете. Он к сестре собирался и уехал. А Гэри пока со мной. И Моника со мной. Так что, не волнуйтесь. А мы вот в город собрались. Ну, в этот, в поселок. Я с лошадьми, знаете, не особо умею. Да и вообще не умею. Вот. Хочу на время машину купить, простенькую. За продуктами там съездить, и вообще. Я из Москвы. Мы там не привыкшие пешком много ходить. А тут у вас и воздух ещё... я с утра думал, сознание потеряю. Вдохнул и чуть не свалился. Продаст, думаете, машину кто-нибудь? Может там газета с объявлениями какая... с утра почтальона встретил, а спросить не догадался.

Мужик молчал, глядел на Соболева не отрываясь. А в глазах черти плясали. Костя не очень понял, как заглядывать в душу через глаза по совету Петра, но похоже у Володи душа была.

– Так что думаете? Не зря съезжу? Продадут мне машину?

– Я вот думаю, вас в Москве представлять-то не учат? Или я догадаться должен, как тебя зовут, сосед?

– Вот бя...

– А я о чем?

– Я Костя. – Соболев протянул руку. Сосед крепко ответил на рукопожатие. Рука была тёплой, несмотря на прохладную погоду. Соболеву подумалось, можно ли определить живых мертвецов по температуре кожи?

– Надолго к нам, Костя? И по какой такой нужде?

Не сказать, что Володя задал вопрос грубо. Наоборот, постарался смягчить. Но сам вопрос... Соболев вроде и был готов. Но если ближайший сосед, неплохой мужик, насколько он понял, и тот так явно ему не рад, что же будет с другими местными жителями. Как они будут реагировать на приезжего учёного. Наверное, информацию о том, что он учёный, и приехал, чтобы разгадать местную аномалию, нужно пока держать при себе. Вряд ли Пётр с кем-то успел поделиться. И сам Соболев ни с кем это не обсуждал. Решено! Он просто гость Петра, старый знакомый, приехал отдохнуть от Москвы и подышать чистым воздухом. Порадовавшись тому, что не начал болтать раньше времени направо и налево, Соболев решил подружиться с ближайшим соседом во что бы то ни стало. Он постарался улыбнуться максимально искренне и широко, дай Бог здоровья его стоматологу Шамдилу Муталибовичу.

– Что? Не любите гостей?

– Да мне как-то пофигу. – пожал плечами Володя. – Просто странно. Не бывало у нас сроду никаких гостей. Годами. Десятилетиями. А тут второй гость за одну осень, и всё к Пете.

– Да что ты говоришь, Володя? А я и не знал. Мы с Петей в райцентре познакомились. Я в командировке был. Работаю в кадровой службе. Набираем людей на предприятие по всей стране. А с Петром в магазине столкнулись, разговорились. Общие интересы обнаружились. Ну, он меня и пригласил погостить на пару недель.

– Пригласил погостить, а сам уехал? – усмехнулся сосед.

– Да я ему на здоровье пожаловался, а тут у вас воздух, леса, поля. Натуральная здравница, и к врачам ходить не нужно.

– Ну да, ну да.

– А продукты какие, а? То-то же! В городах-то всё по-другому, Вова. Можно тебя Вовой называть?

– Да хоть горшком... – сосед кажется был не намерен дружить.

– В Москве знаешь ритм какой? Не успел проснуться, а уже и вечер наступил. Суетился чего-то, суетился весь день, потом смотришь – и непонятно, что сделал. Вроде что-то и сделал, а кому оно надо? А тут я кажется сто лет назад проснулся, а всё утро. Очень нужен мне

был такой релакс. Ну, я и решил в деревню, всё равно поблизости оказался. Я ненадолго. На несколько недель всего. Ты уж мне скажи, это все меня так встречать будут?

– Как – так?

– Недружелюбно.

– Знаешь... вся эта легенда твоя, она вроде и неплохо сложена. Да на бракованном цементе. Разваливается. Ну, вот, например. В каком магазине ты познакомился с Петром?

Соболев офигел. В райцентр он приехал электричкой почти под вечер, видел только площадь между железнодорожной станцией и автовокзалом. Там он сел в такси, никуда не заходя, и поехал напрямик в Позднее. Он тогда знать не знал, что таксист высадит его у леса, а то бы переночевал в райцентре. Сходил бы в кафе, или в магазин. Может и прогулялся бы. А что говорить в данной ситуации, он понятия не имел. В каком магазине? В обычном. Да уж. Легенда и правда говно. Но отступать некуда.

– На площади у автовокзала в каком-то небольшом. Я тебе не скажу точно, потому, что я таких деталей не запоминал. Если бы знал, что отчет давать придется – запомнил бы. – Соболев очень надеялся, что у автовокзала есть ХОТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ магазин. Иначе, Володя вряд ли воспримет его всерьёз.

– Да какой отчёт, Бог с тобой. Собака-то чего с тобой осталась? Пётр алабая своего больше жены любил.

– А у него жена есть? – удивился Костя.

– Была.

– Развелись?

– Померла. – Владимир прищурился, не сводя взгляда с Соболева. А тот неожиданно вспотел. Кажется, и под кожей тоже вспотел, если такое бывает. А может даже и насквозь. У Пети была жена. Она умерла. И где она теперь? Тут, в деревне? Или... Хотя, какое тут может быть «или». Соболеву показалось, что он напал на след. Он не имел никакого отношения к ментам или сыщикам, но сейчас у него было именно такое чувство. Как будто на минуту он перестал быть доктором наук, а стал матерым следяком. Пётр скрыл от него этот жирный факт. Что был женат, что жена скончалась. Ведь это важно. В этом Богом забытом месте такое событие нереально важно. Если Петина жена по-прежнему находится в деревне, где гарантии, что ей не захочется заявиться к себе домой. И где она находится, у кого? Соболев пытался подумать «живёт», но никак не мог. Не живёт, живут живые. А она именно находится. А если её тут нет, значит Петру удалось её вывезти и захоронить. И это настолько важно для него, для Соболева... а Петя не рассказал. Ну как же это так?

– Ох, бедный Петя. – язык сработал быстрее и умнее мозга, если так бывает. – Болела?

– А что? Он тебе не рассказывал?

– Наверное, для него это тяжелая тема. А мы только недавно познакомились. Я поеду в город, извини. Кое-что забыл в доме, зайти надо.

– В райцентр.

– Ну, конечно. В райцентр. Просто непривычное слово.

– ПГТ можно называть. Поселок городского типа. Попросту, посёлок. И это, слышь, Константин.

– Что?

– Пока ты там не сбил ноги в поисках газет, в интернет зайди. Там кафе рядом со станцией.

– Точно! – театрально хлопнул себя по лбу Соболев.

– Ну, да. – хмыкнул сосед. – Сигарет купишь мне? Сейчас денег принесу.

– Я куплю, потом рассчитаемся.

– Ну, добро. Вечером зайду.

– Да-да, договорились.

Соболев стрелой влетел в дом, нашёл оставленную Петром бумажку с координатами. Старательно переписал всё в телефон. Вряд ли он дотерпит до ПГТ. Сейчас Соболев был так возбужден, что думал позвонить на домашний номер сестре Петра со своего мобильного, как только появится сигнал. Это немыслимо! Надо купить второй замок. Нет, ещё два замка. Нет, сначала нужно выяснить у Петра, где она. Где эта его чёртова жена?! Может быть ему удалось её как-то скрутить, вывезти и закопать? Стоп! Почему он просто не спросил у соседа, где умерла женщина? Может она умерла в больнице, в райцентре, и вопрос отпал сам собой. Но они тут принципиально избегают врачей, насколько Соболев успел понять. Не болеют. Молодо выглядят. Хотя... как-то же они здесь умирают. Откуда-то же берутся зомби, или как их там. В общем, срочно бежать и звонить. Это, конечно, не телефонный разговор. Но в Красноярск с алабаем Соболев точно не поедет. Даже если купит машину. Он просто банально боялся, что, увидев своего драгоценного Гэри, Пётр заберет его. И ничего не напишешь. Собака-то Петина. Соболев замер. Мысли, как всегда, метались по черепной коробке, перебивая одна другую. Некоторые убежали, а потом возвращались. Стучали по костям черепа, привлекали внимание к собственной важности. Вот и сейчас, одна вернулась и тукнула прямо в лоб. Костя подошёл к зеркалу, встроенному в старинный шифоньер. Глаза горели нездоровым огнём. Соболев бы сдал сам себя в психушку, если бы был психиатром. А в остальном... кажется, или правда? Нет, ну это нормально. Он просто посвежел на чистом воздухе. Ничего сверхъестественного. Сегодня он сделает все намеченные дела, и от души напьется самогона. Или от страха. А страх-то где? Страх в душе и есть. А вот после самогона и посмотрим, как будет выглядеть его лицо. За спиной засопели, и Соболев напрягся. Видимо, почувствовав это напряжение, Гэри буркнул какой-то из своих звуков, и Костя выдохнул. Это не Петина мертвая жена пришла качать права, это просто мается бедный алабай, который уже триста раз пожалел, наверное, что согласился остаться. И Соболев его прекрасно понимал. Он повернулся к зверю, стоящему в дверном проеме, и как можно веселее сказал:

Ну что? Пошли в ПГТ, дружище?

Если бы собаки могли выразительно класть лапу на морду, Гэри сейчас сделал бы именно так.

Наши друзья уже битых сорок минут стояли на трассе. Точнее, немного шли, и много стояли в попытках поймать попутку. Никто не останавливался. Буквально, ни одна машина.

– Может, ты всё-таки спрячешься в лесок? – просительно протянул Соболев. – Конечно никто не остановится. Все тебя боятся. Я и сам, честно говоря, немного напрягаюсь в твоём присутствии.

Гэри даже ухом не повёл. Продолжал медленно вышагивать рядом с Соболевым. В этот момент раздался звук тормозов. Вселенная сжалась над ними. Остановилась грузовая газель.

– Куда?

– В ближайший райцентр.

– Ну, грузи этого слона в багажник, а сам в кабину залазь.

– Ой, спасибо огромное! Я могу заплатить...

– Не, денег не надо. Мне туда же.

Водитель открыл кузов, и вдвоём они попытались засунуть туда алабая. Уговаривали, подпихивали, затаскивали. Шофёр даже принёс пирожок с мясом, чтобы заманить Гэри в кузов, но все попытки провалились. Соболев представил, что ему придется вести собаку обратно домой, а потом снова возвращаться к дороге и совсем приуныл.

– Может он тесто не хочет? – в отчаянии ляпнул Костя. – Может ему начинку достать, и он за ней пойдёт?

Алабай развалился на дороге, чтобы его уже точно никто не мог сдвинуть с места. На Соболевское нелепое предложение он громко фыркнул и начал вылизываться.

– Вот че я думаю, – ожил шофёр, – попробуй ты в кузов залезть.

– Я?!

– Ну, а какие варианты? Или пешком топайте.

Соболев поднялся по железным ступеням в кузов газели, а следом важно зашёл Гэри. Огляделся, повернулся головой наружу и застыл в обороне. Было понятно, что при малейших изменениях в дислокации он сразу выпрыгнет на улицу. Кузов был пустым и достаточно чистым, но Соболеву всё равно не хотелось в нём ехать. Тут даже присесть не на что. Он попытался привлечь на свою сторону водителя:

– Слушай, брат. А может я вылезу, и мы его тут закроем, раз он уже зашёл, а? Неохота мне в этом кузове ехать.

– Ша, погодь. – Водитель исчез, а когда появился, в руках у него был какой-то плед. Не новый, но вроде чистый. Что, сидеть на этой тряпке? Всё равно не очень-то хочется. Соболев поморщился, но водитель, уставший от возни с алабаем, уже всё решил. – Слушай, мне некогда снова его запихивать, если он вместе с тобой вылезет. Садись, не выпендривайся. Да, не бойсь. Я аккуратно поведу.

Довольный газелист закрыл кузов, и внутри стало темно. Машина тронулась и покати-лась. Соболев чувствовал, что и правда аккуратно. Но в темноте было как-то неуютно. Даже с алабаем. И тут его пронзила мысль. Прошла внутренние органы, засела в горле колючим осколком. А что происходит с животными в Позднем после того, как они умирают?!

В райцентре было живенько, чистенько, красочно. Просто маленький городок, а не поселок. Магазины, кафе, салоны сотовой связи – цивилизация в лучшем её виде. Даже не верилось, что всего в нескольких километрах по дороге есть съезд в лес, за которым притаилась глухая неразвитая деревенька со страшными тайнами. Соболева посетило острое желание погулять по этому посёлку с прекрасным названием «Запрудный», сесть в электричку до Красноярска, и дальше в Москву, не оглядываясь. Ну, вот зачем ему тут оставаться? Он учёный, а вовсе не эзотерик. Ему не интересен сам факт, он хотел бы изучить организм мертвого человека, расхаживающего среди живых. А остальное пусть выясняют эзотерики, геологи, уфологи и иже с ними. Что с деревней не так? Что влияет на местность? Чем так уникальны эти нормальные с виду зомби? Почему вообще, простите, на земле есть такие твари? Разве эти вопросы как-то относятся к тератологии? Да никоим образом! Он, Соболев, изучает врожденные патологии, а вовсе не посмертные! И уж тем более, не желает закапываться в мистику.

Соболев купил пирожков, стаканчик кофе. Перекусил прямо на улице, поделился с Гэри пирожками. Алабай потянул носом пар, исходящий из пластикового стакана и выразительно посмотрел на Соболева. Вот же наглая псина!

– Вот уж кофе я тебе точно не дам! Забудь.

Гэри презрительно фыркнул и отвернулся. Вообще, кроме недоразумения с кузовом, он больше радовал Соболева. Пристёгнутый на поводок, не тянул, шёл, куда ведут, на внешние раздражители не реагировал. Хороший пёсик. Соболев отряхнул руки и достал мобильный. Нашёл сохранённый номер Петинной сестры и завис. Интересно, Пётр добрался до места? Выехал, вроде, с рассветом, а уже обед. Эх, ладно, была не была. После нескольких гудков ответил приятный женский голос.

– Да?

– Добрый день. Я прошу прощения, могу с Петром поговорить? Прибыл он?

– С Петром? – удивленно протянул голос. Соболев напрягся, а эскадрон мыслей сразу заскакал, как подорванный. Неправильно сохранил номер? Пётр не успел доехать? Наврал про сестру? Да нет, не может же быть, Петя ему самое ценное свое сокровище оставил, алабая-кофемана. Ну, разве собаки что-то понимают в кофе? Соболев так увлёкся прослушиванием мыслей, что не уловил, что трубка уже какое-то время басом гудит около уха.

– Алё. Говорите. Да кто там? Костя, это ты? Что случилось?

– А, прости. Петя! Приветствую, как ты добрался?

В телефоне возникла пауза. Небольшая. Но яркая, окрашенная изумлением.

– Подожди... Ты что, звонишь мне, чтобы спросить, как я добрался?

– Да нет, конечно! Просто я должен был с чего-то начать разговор.

– А, ну что же. Добрался я нормально. Как там мой друг Гэри?

– Всё хорошо, мы вот тут в райцентр выбрались. Гуляем.

– Ты вроде не гулять приехал, учёный Соболев.

– Кстати, об ученом. Ты никому не говорил, кто я?

– Да нет, вроде. А что такое?

– Просто мне там у вас не очень рады...

– С чего ты так решил? – Пётр хохотнул.

– Да-да, знаю, ты меня предупреждал. Кстати, не было времени нормально пообщаться.

Я хотел тебе сказать: моя наука изучает несколько иные патологии. Врожденные, так сказать. Ты в Питере был? В кунсткамере?

– Шутишь, что ли? Нет, конечно. Но книгу читал. С картинками. И я не дурак, Костя, если ты об этом. Я понимаю, что именно лежит в сфере твоей науки. А чего ты припёрся тогда, вот это вопрос?

Чего он приперся... нет, не так. Зачем он приперся. Он должен был ответить на этот вопрос сначала самому себе. И он понял. Очень быстро и очень неожиданно. Понял, что устал. Устал от привычных, ставших для него будничной нормой, заячьих губ, волчьих нёб, сросшихся близнецов, кретинов, гидроцефалов, всей этой херни, которой он посвятил жизнь. Устал, и решил почему-то, что лучшим отдыхом будет изучить то, чего на свете вообще не может быть. Но что, безусловно, тоже является патологией организма, да ещё какой! И не верил Соболев до конца в происходящее, потому, что не видел своими глазами. И, кажется, готов был увидеть, даже если после этого придётся умереть. Вот что привело Соболева в Позднее: его привычная, пустая, надоевшая жизнь. В которой, наверное, было единственное светлое пятно – его брак. Так и тот Соболев умудрился просрать!

– Петя, у меня к тебе важный вопрос.

– Как быстрее добраться до Красноярска? – веселился Пётр.

– Нет, друг. Извини. Совсем другой вопрос. – Соболев нервно потянул за поводок, Гэри удивлённо повернул голову. – Где сейчас твоя жена?..

Машину они нашли довольно быстро, и очень недорого. И даже не пришлось идти в интернет-кафе, как советовал сосед Володя. Соболев просто открыл приложение в смартфоне, сменил населенный пункт в настройках, и нашел жигули девятку в нескольких остановках от автостанции. Получив по телефону заверения от хозяина машины, что вся информация в объявлении достоверна, они с Гэри решили прогуляться пешочком. Вообще, Соболев и не сомневался в том, что объявление отражает реальную ситуацию с машиной. Вряд ли в этой глуши есть сознательные мошенники. Хотя, что это он... Везде есть. Но он помнил свое детство, в котором отец привлекал маленького Костю к ремонту жигулей в гараже. Чему-то Соболев тогда даже научился, по крайней мере очевидное говно распознает точно.

Девятка оказалась вполне в порядке. За исключением мелких неисправностей, но их Соболев даже не брал в расчёт. Машина покупалась на время, за очень скромные деньги. Вряд ли он даже будет потом заморачиваться, чтобы её продать. Скорее всего, просто оставит. Точно! Довезет на ней алабая до города, и оставит машину Пете в знак благодарности за предоставленный дом. Радуюсь такому разумному и благородному решению, Соболев сам за рулём (чтобы привыкнуть) доехал с продавцом до нотариуса, и получил генеральную доверенность. Передал деньги, подбросил довольного мужика до места, откуда часом ранее забрал, тепло попрощался, – ещё бы, с такой-то ценой на машину, – и поехал. Издалека уже начали подкра-

дываться сумерки, а Соболеву нужно было ещё заехать в пару магазинов и на заправку. Гэри развалился на заднем сидении, насколько оно позволяло ему развалиться. Сидеть собаке тоже было не особо комфортно: башка утыкалась в потолок. Тогда он лёг, упираясь головой в одну дверь, а пышной белой задницей – в другую, и весь его вид говорил о том, как он устал от такого насыщенного дня, хоть стреляйте теперь, – Гэри будет отдыхать. Соболев только посмеивался над ним. Он и сам порядком устал, больше всего от разговора с Петром. Тяжелого для них обоих разговора. Хорошо, что, Костя давно научился вести машину на автопилоте. И механическая коробка передач его несколько не смущала: начинал он именно с жигулей. Потому, что голова Соболева была занята отнюдь не дорогой. Все мысли Соболева были о жене. О чужой жене. О чужой покойной жене.

Костя заехал в три магазина: продуктовый супермаркет, книжный и зоотовары. Набрал хлеба, круп, мяса, колбас, сыров, каких-то консервов, кофе, соков, кондитерских вкусов, туалетно-банных принадлежностей, – кстати, баню Петра ему ещё предстояло затопить и опробовать, – и, главное, всего побольше. Хотя теперь, с машиной, он мог в любое время выехать на закупку. Но, кто знает, что вообще будет дальше. Соболев как будто боялся оказаться заложником в чужом доме, без возможности не то, что выехать, а со двора выйти. Где-то, на границе подсознания с сознанием, мелькала эта невеселая мысль. И потому в зоотоварах он тоже закупился по полной. Кроме множества мясных кормов в жестяных банках, – для очень крупных пород, разумеется, – он взял несколько погрызух в виде костей из жил, и пару игрушек из особо прочной резины. Интересно, Гэри когда-нибудь покупали игрушки? На кассе зоомагазина Соболев неожиданно вспомнил о сигаретах для соседа. Пришлось возвращаться в супермаркет. Гэри начинал потихоньку бубнить. Костя достал из пакета огромную кость из сухожилий и сунул псу в нос. Сказать, что алабай удивился – это значит ничего не сказать. Он долго обнюхивал незнакомый предмет, лизнул его пару раз, потом хорошенько подумал, и только после всего начал осторожно грызть.

– Тяжелое детство, да? Ну, ничего. Тебе понравится. Продавец сказал, что это нравится вашему брату. Я сам, понимаешь, опыта общения с собачками не имею, но попросил его дать всего самого интересного и вкусного. Потерпи, доедем до дома – консервы мясные получишь. Это тебе не сушки, и даже не суп с картошкой. Это, брат, настоящий праздничный ужин. И у меня будет, конечно. Самогон, сало и сыр с хлебом. Мммм. Слюни потекли. Сейчас, только в книжный, и домой через заправку. Я не видел, где она тут, мы же с тобой в кузове сидели. Но, бывший хозяин нашей девяточки сказал, что она на выезде. Хорошо в машине, мягко, да? Не то, что в металлическом кузове. Скажи ещё, что ты со мной не согласен?

– Рррр. – буркнул занятый косточкой Гэри. Соболев перевел это, как «отстань». Кажется, неизбалованному псу понравилось лакомство.

Заправка действительно была на выезде из райцентра. Соболев даже вспомнил её. Видел, когда проезжал тут на такси первый раз. Подумать только, это было вчера вечером. А как будто прошла неделя минимум. Здесь и правда иначе течёт время. Просто удивительно. Заправив машину, Соболев поехал по дороге со скоростью сорок километров в час. Он боялся пропустить поворот в лес. Деревни не было на карте. Вот, кстати, что это может значить? Есть населенный пункт. Не два, не три дома, а целых тридцать. А на карте его нет. Указатель не стоит. В самой деревне ни сотовой связи, ни интернета, ни даже банальной антенны. Ни че го! Соболев был два раза у этого съезда, топографическим кретинизмом он не страдал. Был уверен, что после того, как свернет туда самостоятельно, точно уж запомнит дорогу. Но его не покидало какое-то общее ощущение «НЕ». Казалось, что и нет никакой деревни. И всё это нереально. Вот свернет он в лес, будет ехать, ехать, ехать, и... никуда не приедет. Откуда там возьмется деревня, которой нет на картах? На заднем сидении заворочался алабай, устраиваясь поудобнее со своей погрызухой. Ну, да. Гэри. Ведь откуда-то он взялся. А именно, из несуществующего села. Значит, никаких глюков. Вот тут они свернут, и приедут в дом, откуда ушли семь

часов назад. Соболев наконец-то увидел съезд, развернулся через трассу и встал на лесной дороге. Пётр сказал, что кладбище находится чуть дальше по трассе, его видно, когда проезжаешь мимо. Кладбище, на котором ему удалось похоронить свою жену, потому, что она тяжело болела и нуждалась во врачебной помощи. Народные средства, включая сделанные местной ведьмой, отвары не помогли. Всё было совершенно ясно, что помощь будет лишь формальной временной мерой; всё уже шло к логическому завершению, и жена, конечно, заклинала Петра ни в коем случае не везти её в больницу. Угадав его намерения, грозила самыми страшными проклятиями. Но Петя поступил по-своему. Дождавшись, пока жена совсем ослабеет, он увёз её в центральную больницу Запрудного, где врачи накачали её наркотическими обезболивающими. В загруженном состоянии женщина не могла бесноваться и кричать, но её глаза Пётр запомнил на всю жизнь. Так и сказал: «я теперь до самой смерти буду помнить этот взгляд, полный ненависти и страха».

Жену Петра звали Оксана. Она протянула в больнице недолго. Последние несколько дней была без сознания. В деревню Петя её, конечно же, не повёз. Договорился в местном храме об отпевании, всё прошло честь по чести. Родственников у Оксаны не было, Пётр познакомился с ней в райцентре. Она выросла в местном детском доме. Детей у них с Петром не было. После отпевания Петр доехал с ней до кладбища на заказанном в агентстве микроавтобусе. Бросил в могилу сухую землю. Мужики-работяги зарыли яму, поставили крест. Взяли деньги и уехали. А Пётр ещё долго сидел на лавочке в нескольких метрах от свежей могилы, опустив голову и пытаясь заплакать. Слёз не было. Но ещё тяжелее было то, что и каких-то добрых воспоминаний об их, в общем-то, хорошей жизни тоже не было. Всё перечеркнул тот страшный взгляд Оксаны, когда она ещё могла держать глаза открытыми. Ужас и ненависть. Презрение и страх. Бедная. Он лишил её выбора. Этого выбора людей обычно лишает кто-то вышестоящий. Сама жизнь, или владычица смерть. Но в их деревне этот выбор был возможен. А Петя, получается, решил за свою жену. И с этим грузом ему теперь жить. Вроде всё правильно сделал. Но почему тогда так хреново?

Соболев переключил фары на дальний свет и стоял в самом начале дороги, ведущей к деревне. Справа от него в нескольких метрах, как он понял, было кладбище. Теперь он знал, где находится Петина жена. И вот вроде бы никогда не жаловался Соболев на хорошее воображение, но как будто смотрела на него сквозь деревья несчастная женщина, которой не позволили остаться на земле. Прожигала щёку взглядом. Отчаянным, молящим, полным ненависти и страха.

Костя стряхнул с себя наваждение, и покатил в сторону Позднего. Ему хотелось поскорее проехать пять километров темного леса, и оказаться в доме. Затопить печь на ночь, налить самогона и выпить, закусывая острым салом, тонко порезанным, лежащим на куске черного хлеба. И не забыть почистить лук к салу. Соболев не имел никакого опыта в употреблении домашнего самогона, но был не против приобрести этот опыт. А как? Очень просто, ведь слухами земля полнится. Читал, слышал. Значит, сумеет употребить в удовольствие, по всем правилам. Соболев думал, что картинка, которую он нарисовал себе и держал в голове, с полным ртом слюны, была не так уж плоха. Очень даже хороша и привлекательна была эта картинка.

Гэри лежал у печи, боясь расстаться с косточкой. И не жарко ему? Тем более, после ужина. А консервы алабай заглотил в одну минуту. Соболев накрыл себе поляну, налил в стакан жидкость апельсинового цвета. Выпить и закусить уже хотелось безумно, но Костя на мгновение залюбовался делом рук своих. Всё было красиво, самобытно, и очевидно вкусно. Он махнул полстакана самогона, который оказался ничуть не хуже заморского Джека Дэниелса, а то и лучше. Откусил от сложного бутерброда, – кроме хлеба с салом еще майонез и лук, – и зажмурился от удовольствия. Как же хорошо-то, Господи. Прекрасное тепло разлилось по крови, наполняя её ни с чем не сравнимым чувством покоя и уверенности, и в этот блаженный

момент в окно неожиданно постучали. Соболев ощутил лёгкую досаду, но без какого-либо намека на страх. И от души порадовался тому, что успел выпить.

На пороге стояла девица, получающая Cosmopolitan по подписке. Соболев удивился внешнему виду девушки ещё в первый раз. Она была одета чуть ли не по столичному. Хотя, в том, как одеваются в Москве, нет определенной системы, или чёткой моды. Там все ходят, кто во что горазд. Не соблюдая никаких тенденций. Соболеву это нравилось. А вот что касается сельских жителей, в голове Соболева была определенная картинка. Он не встречал ещё в Позднем ни одной женщины, кроме этой модницы, но мужики по внешнему виду вписывались в Костину картинку. Свободные штаны и рубаха, простая брезентовая куртка, кирзовые сапоги – именно так в представлении Соболева и выглядел деревенский мужик. Из особой женского пола в деревне он видел только эту. Уже второй раз. И сейчас она выглядела ещё более стильно, чем утром. Соболев быстро охватил её взглядом и заценил: высокие белые сапоги со шнуровкой впереди, телесного цвета колготки, короткое платье ровного силуэта и ненавязчивого серого цвета, и серое же пальто. Волосы были искусно выпрямлены. В этом Костя не сомневался. Его жена, мучаясь с волнистыми волосами, постоянно выпрямляла их специальным утюжком. Вытягивала, выравнивала. Поэтому Костя знал, что вытянутые в прямые выющиеся волосы отличаются от природных прямых. На лице у девушки был макияж, скорее дневной, чем вечерний. Вот только глаза накрашены сильнее, чем полагается при скромном деловом мейкапе. Соболев не очень разбирался в моде, но что девушка олицетворяла своим видом слово «стиль» чувствовал даже он. И это было так не по-деревенски. Настолько за рамками его, Соболева, представления о женщине в широкой юбке, или сарафане, непременно в платке на голове. Уставшей от чистки хлева и дойки коровы, и уж конечно, безо всякой косметики. Но чудное видение не было галлюцинацией, оно было прямо перед Соболевым. Девушка стояла и загадочно улыбалась.

- Чем обязан такому приятному визиту?
- Здравствуйте. Меня Надя зовут. А вас?
- Меня Костя.
- На улице к вечеру совсем прохладно...

Да, Соболев, ты болван! Держишь девушку на пороге. Ладно, Надя мёрзнет. Так ведь и дом остынет, что топил, что не топил.

- Хотите зайти?
- Не откажусь. Давай только на «ты», мы в деревне привыкли по-простому, без церемоний.

Надя прошла, скинула пальто Косте на руки, наклонилась и начала расстегивать сапожки.

- Не разувайтесь. Точнее, не разувайся, Надя, не надо.
- Но я же натопчу, как же?
- Ничего. Вытру.
- Можно я всё-таки разуюсь? Непривычно в сапогах по хате.
- Ну, что с тобой делать? Разувайся.

Надя сняла сапоги, прошла к столу и застыла около него, как прекрасная статуя с прямой спиной. Соболеву подумалось, что лучше бы ей прийти чуть позже. Например, после второго стакана. И что ему с ней делать? А ведь и правда... когда он последний раз что-то делал с женщиной? Получалось, что очень, очень давно. Как разладилось с Таней, пока он писал докторскую, так и не было ни с кем, получается. А тут стоит такая красота... Соболев почувствовал естественную тяжесть в нижней части тела. Чтобы не демонстрировать свою реакцию на прекрасную деву, он быстро прошёл к столу и сел, засунув ноги и выдающуюся часть тела под скатерть. Надя, не переставая мило улыбаться, решила наконец-то заговорить:

- Хочешь честно?
- Эээ о чем?

- Ну, ты спросил: чем обязан? Я и говорю, тебе честно ответить на вопрос?
- Хотелось бы. Слушай, ты меня заинтриговала. Честно-нечестно. Ты самогон пьёшь?
- Смеёшься? Я же местная. Конечно, пью.
- Ну тогда я налью, а ты пока честно расскажи, чем я обязан твоему появлению.

Соболев уже немного успокоился, поэтому смог сходить за вторым стаканом сам. А если бы у него так и стоял? Хорошо бы он выглядел, отправляя гостью в шкафчик за посудой. Костя налил в два стакана самогон. В этот раз не до половины, а примерно на два пальца. Протянул Наде, галантно пододвинул поближе к ней тарелку с бутербродами, сделал приглашающий жест и поскорее замахнул в себя алкоголь. Его, кажется, уже начало отпускать, а он ведь так хотел расслабиться. Надя спокойно выпила налитое, со знанием дела закусила, стряхнув лук с бутерброда с салом. Улыбнулась, и начала откровенничать.

– Ты только не подумай ничего такого, но такие гости в наших краях – явление редкое. Я ещё утром тебя заметила. Когда журнал у Семёна забирала. Ты, наверное, гулял вот с ним. – девушка кивнула головой на Гэри, который не обращал на неё вообще никакого внимания. Может, он знал всех местных, был к ним привычный и не реагировал? – Ну, я подумала: «какой симпатичный молодой человек. Не то, что наши колхозники». Догадалась, что раз ты гуляешь с Петиной собачкой, значит гостишь у Пети. В общем, жизнь тут ужасно скучная. Летом ещё можно собраться, попеть, потанцевать даже. А как похолодает, так и вовсе тоска.

– Но можно же съездить в райцентр. Там очень прилично и цивилизовано, я был не далее, как сегодня. Кинотеатры, торговые центры.

– А с кем? Не с кем, понимаешь? Ну, я и подумала: пойду, схожу на разведку. Кто ты, что ты. С кем ты, в конце концов. Ты же мог и с женой приехать, ну, или с подругой. Прогулялась. А ты смешной... Ладно, ставни не закрыл – ты ж из города, да небось из самой Москвы. Там ставней нет. Так ты ведь и шторы не задернул! А на улице стемнело...

Соболеву, живущему в квартире на восьмом этаже, и правда в голову не пришло закрыть ставни, или хоть шторы. Он просто не сделал этого, потому, что не было такой привычки: кто может заглянуть к тебе в окно на восьмом этаже? А ведь Надя права. Он был как на ладони у любого проходящего мимо, окна кухни благополучно выходили на улицу.

– Хех. И что же ты увидела?

– Что ты сидишь и глушишь самогон в одно лицо. – Счастливо засмеялась Надя. – И я решила зайти, узнать: может тебе компания нужна?

– Да я как-то об это и не думал... – Соболев нахмурился. Кивнул головой в сторону Гэри, дрыхнувшего у печки. – Вон моя компания.

– Если я мешаю, я могу уйти. – С вызовом сказала Надя, продолжая улыбаться. А улыбалась она не просто так. Ох, как недвусмысленно улыбалась девушка Надя. Соболев задумался на минуту. Ну, и что он теряет? Девушка, наверняка, живая. Может потрогать её руку? Тёплая, или нет? Ну почему, почему Пётр не просветил его, кто в деревне жив, а кто мёртв?! Какая ему разница, всё равно ведь уехал? А Соболеву теперь думай тут, страдай, голову ломай. Что за мотылёк залетел к нему на огонек. Хотя, наверняка он зря заморачивается. Девушка молодая. Вон как глаза горят! Надо ещё выпить...

– Ну, что ты. Уходить не надо. За кого ты меня принимаешь, девушку среди ночи на мороз выпроваживать?

– Там нет мороза! – захохотала Надя. – А вот когда шарахнет, посмотрю я на тебя, на Москвича. Вы про такие морозы в своей столице и не слыхивали.

Дальше всё было легко и просто. Они, смеясь и болтая, допили поллитровку самогона, самого вкусного из всех сваренных самогонов, дай Боже Петру доброго здоровья и долгих лет жизни. Пока Соболев выходил курить, – а он покуривал по пьяни, ничего не мог с собой поделать, – Надя споро убрала со стола остатки трапезы, вымыла всю посуду, а воду слила в ведро под умывальником. Настоящая, русская, деревенская баба, которая просто выглядит,

как гламурная красотка. Соболев зашёл в дом в тот момент, когда она снимала своё кашемировое пальто с крючка. Улыбаясь, протянула его Соболеву, чтобы помог надеть. Костя надел на девушку пальто, и крепко обхватил её руками, обнял, обернул, вместе с кашемиром. Гулко бухало сердце. Соболев не понял, как она вдруг оказалась к нему лицом, но мгновение спустя он уже целовал Надины губы, щёки, шею. Она покорной волной изгибалась в руках, обнимала в ответ, прижимала к себе его плечи, голову, губы. Соболев не помнил, как они оказались в комнате, как остались без одежды. От всей этой сумасшедшей ночи у него осталось ощущение прекрасной манящей бездны, наполненной тёмной водой. Он тонул в ней, выныривал на секунду, чтобы ухватить кусочек воздуха, и снова погружался. Захлебывался, стонал, терялся в темноте, и снова выныривал. Бездна казалась бесконечной. Какой и должна быть. Без дна.

Сквозь сон Соболев слышал ворчание алабая на кухне. В комнату Гэри не заходил. Проявлял тактичность, наверное. Костя хотел посмотреть на часы, и обнаружил, что на руке лежит чья-то голова. И тут же пронзило осознание минувшей ночи. Какой она была. Нежной, страстной, волшебной. Наваждение, а не ночь. Соболев аккуратно вынул руку из-под Надиной головы, увидел стрелки на одиннадцати и на трех. Не понял, одиннадцать сейчас, или три. Пьяный он ещё, что ли. Алабай заглянул одним глазом в комнату, Соболев уже понял, что он любит коситься из-за двери, как шпион. Тут же проснулась совесть: собака-то, наверное, в туалет хочет. Придётся вставать. Тихо, стараясь не разбудить девушку, Соболев встал, на цыпочках прошёл в кухню и попытался обуться. Его качнуло к стене. Точно, не протрезвел ещё. Что удивительно. Ему казалось, весь алкоголь должен был раствориться в крови той температуры, которая кипела в нём этой ночью. В чём дело? То ли он просто давно не был с женщиной, то ли женщина оказалась чудо как хороша в постели, и подходила именно ему, Соболеву, как крышка от кастрюли? Гэри уже в нетерпении постукивал лапой по порогу, а Соболеву вдруг безумно захотелось холодного пива. И чего не купил, дурак? Набрал всякой ерунды: кексиков, соков, соусов. А пива на утро не купил. Алкоголиком он не был. Но вот этот закон подлости... в Москве, даже если перепьешь, с утра не хочется пива потому, что вот оно. Руку протяни, и магазин. И ассортимент такой, что глаза разбегаются. А тут до ближайшего пива пятнадцать километров: пять по лесу, десять по трассе. Немудрено, что так далеко висящий плод так сладок. Тьфу! Что за бред лезет в голову?

Соболев сходил в туалет, причём внушительно заявил Гэри, что, если ему приспичило – пусть делает свои дела в огороде. Вот такая ситуация, на улицу Соболев пока идти не может. Своенравный пёс смирился, и пошёл метить кусты малины в глубине огорода. Костя дождался пса, и пошёл в сторону дома. На пороге мялся сосед Володя. Соболева как громом стукнуло: а он что тут делает? Заглядывал ли в дом? Видел ли Надю в его кровати? Нет, кровать, конечно, не его, а Петра, но временно-то его. И почему собака не лает, когда чужие во дворе? И зачем вообще такая собака? И миллион мыслей в секунду, в общем. Соболев кашлянул. Володя обернулся.

– А я стучу-стучу. Вчера ты поздно, слышал, приехал. Не пошёл уже к тебе. Поздравляю с покупкой. – Вова мотнул головой в сторону машины. – Ты сигареты купил? Или забыл?

– Фуух. Если честно, ты напугал меня. Сигареты. Точно! Можешь тут подождать? Я вынесу.

– Не вопрос, подожду.

Соболев по-быстрому вынес распечатанный блок. Дверь пришлось закрывать под носом у соседа, чтобы не видно было того, что в доме. У порога, например, лежали Надины белые сапоги. Зачем Володе это видеть?

– Слушай, я одну пачку распечатал вчера. Иногда я курю. Я её себе оставил, ничего?

Володя многозначительно щёлкнул себя по шее и подмигнул Соболеву.

– Да-да. У Пети отличный самогон. – Костю почему-то рассмешило, как Вова жестом спросил, пил ли Соболев вчера. Он стоял, и улыбался, как дурак.

– Так у нас в деревне у всех отличный самогон. Петин допьёшь – приходи, угощу своим. Сколько за сигареты должен?

– Да ничего ты мне не должен, перестань. Может и ты меня когда выручишь. – Соболев вдруг спохватился и стукнул себя по лбу. Зря, конечно. В голове загудело, перед глазами всё поплыло. – Слушай! А пиво у вас, случайно, никто не варит?

– Пиво? Пиво нее. Пиво никто не варит.

– Жаль...

– Кроме меня. – Володя пихнул Соболева и радостно заржал. Его развлекал этот заезжий мужичок, и, кажется, взаимно. Нет, он не был ему рад. Но было забавно, это точно. Хоть какое-то разнообразие.

– Ты серьёзно?

– Костя, разве такими вещами шутят? Пойдем-пойдем. Сейчас тебя и выручу, и ждать не придется.

Соболев не верил своему счастью. Вот только, не слишком ли он тут расслабился? Он же не бухать сюда приехал, не на курорт. Эх, ладно. Пива всё равно хотелось, да ещё как. Костя отодвинул подальше голос разума, и пошёл к соседу за пивом.

Взяв пиво, которое честь по чести лежало у соседа в холодильнике, Соболев поспешил домой. Ему очень хотелось посмотреть оборудование, на котором Володя готовил пиво, но очень не хотелось надолго оставлять в доме спящую малознакомую девушку Надю. Ночь кончилась, день неизбежно вступал в свои права и возвращал к реальности. Сказка осталась в ночи, а теперь, видимо, придется поговорить. Гэри, который вообще не понимал, что происходит – то посторонние ночуют, то в туалет на улицу не ведут, отправляют в огород, а то вдруг пошли в чужой дом – укоризненно качал головой, и хвостом следовал за Соболевым повсюду. Костя бы и рад поговорить с псом, это казалось наименее энергозатратным делом из всех предстоящих. Но, сейчас ему было не до Гэри. Надо было разобраться с Надей. Вот чёрт, он же даже не предохранялся! У него и презервативов с собой не было. Откуда? А ведь мог купить вчера в супермаркете. Да... знал бы, где упадешь.

В доме Соболев налил себе ледяного пива из литровой бутылки, быстро и жадно отхлебнул большой глоток, а оставшееся в бутылке засунул в холодильник. Сварил кофе, достал хлеб, сыр, печенье, и пошел в комнату.

–Надя... Просыпайся.

Девушка сразу открыла глаза и резко села на постели.

– Просыпайся. – глупо повторил Костя. – Завтрак готов.

– Ааа. – потянулась девушка. – Типа, ешь и выметайся?

– Для начала, пойдём поедим и поговорим. Заодно.

– Хорошо. Сейчас, оденусь.

На кухню Надя вышла на удивление свежей и бодрой. Как будто и не она пила с ним самогон полночи, а потом предавалась греху несколько раз без перерыва. Хотя... ей лет двадцать пять, наверное. Преимущества молодости налицо. Кофе Надя не захотела. Зато с удовольствием выпила стакан пива залпом. Пива Соболеву было отчаянно жалко. Но как откажешь? И что теперь? Идти к Володе за второй бутылкой?

Итак, пиво было выпито, закуска съедена, а Соболев, не поднимая глаз от бокала, толкнул длинную нудную речь о том, что приехал пожить отшельником, ни в какие отношения вступать не планировал, ночью ему было очень хорошо, просто прекрасно, но сейчас он хотел бы остаться один и продолжить свое затворничество, и так далее, и тому подобное, и стыдно пересказывать, в общем. Надя на протяжении рассказа сидела, не меняясь в лице, со своей дежурной улыбочкой. Она всё время улыбалась, Соболев уже привык. Он ждал от девушки какой-то обратной связи. Ждал и боялся. Опыт общения с дамами у Кости был весьма скромный. И уж тем более он никогда и никому не давал от ворот поворот. А вдруг она вскочит и

убежит, обиженная и оскорбленная? А вдруг у неё дядя кузнец? И он придёт с мечом наказывать Соболева за то, что он обесчестил его племянницу? Или как? Надругался? Господи, что у него в голове.

– Костя, а ты не помнишь, о чем мы вчера за столом говорили, да?

Соболев ожидал чего угодно, только не этого. Он вылупил глаза на Надю, не забыв подумать, какой, наверное, у него идиотский вид.

– Ну, не помнишь, так и ладно...

– Я тебе что, жениться предлагал? – скривился он в усмешке.

– Да нет. Ничего такого. Ты всё больше вопросы задавал. Странные. Ну, я имею в виду, странные для человека, который приехал пожить отшельником. – Надя посмотрела в окно, почесала нос, заглянула в пустую кружку и вскочила на ноги. – Ладно, Кость. Я всё поняла. Вообще без претензий. Если что, мой дом второй от дороги. Надумаешь снова напиться – заходи в гости. Чай, затворничество-то не мёд, да?

А дальше всё было быстро и загадочно. Надя засмеялась низким грудным смехом, таким, что у Соболева случилась эрекция. Пока он удивлялся этому факту – эрекция от смеха, шутка ли – Надя, как ветер прошелестела до двери, мгновенно обулась и исчезла. Окна выходили на улицу. Она должна была пройти мимо окна. Наверное, и по улице она не прошла, а пролетела, прошуршала и растворилась в воздухе. Фея, а не девушка. Фея, подарившая Косте ночь любви. Без дна. Колдовскую бездну, а не ночь.

Костя думал пойти к соседу за пивом. Не в наглую, а предложить заплатить, например. Но его вдруг так потянуло в сон, что сил хватило только дойти до двери и накинуть крючок. Учёный рухнул на кровать, не раздеваясь, и отключился. И снился Соболеву сон. Чёткий, как явь. Будто сидят они с Петром за столом в кухне, а стол накрыт также, как перед приходом Нади. И вся обстановка, и атмосфера, – всё повторяет вчерашний вечер. Только вместо улыбающейся девушки напротив Соболева сидит хозяин дома. Рекой льётся самогон цвета апельсина, неспешно течёт разговор.

– Ты думаешь, я уехал, потому что сестра попросила?

– Да вовсе я так и не думаю.

– Вот и не думай. Ты мужик умный. Должен понимать.

– Да понимаю я. Всё дело в том, что ты хочешь дожить и умереть, как человек. Не хочешь стать заложником этой чертовщины. Так?

– Вот, не зря ты учёный. Не зря.

– Петя, а ты помоги мне. Расскажи, кто в деревне жив, а кто нет.

– Нет, брат. Чего не могу, того не могу. Сам выясняй.

– Легко сказать. А как я могу это выяснить?

– А никак. Особенно, если сидеть сиднем. Пьянки-девочки, а, Костик?

– А ты откуда знаешь? – изумился Соболев.

– Чудак ты человек! Мы же в твоём сне, конечно я всё знаю. Если будешь так расслаиваться, то точно застрянешь тут до весны. Как выпадет снег, наметёт, – забудь про дорогу через лес. До апреля забудь.

– Невесёлая перспектива.

– Фильмы про зомби смотрел?

– Все смотрели фильмы про зомби.

– Есть законы, которые работают везде и всегда. А не только в кино с теми, кто круглый год ходит походкой робота, ни черта не соображает и говорить не может.

– Ты про что?

– Я про то, как их убить. На крайний случай.

– А Володя, сосед, один живёт?

- Да с чего бы? С женой и сыном.
- Ничего себе. А Илья?
- Жил с дочкой. Ну, ты слышал. Жена уехала от него, давно.
- В смысле уехала? Совсем? Из деревни?
- Да. В девяностые еще.
- А сколько лет Вовиному сыну?
- Взрослый уже.

– Петя, а почему в деревне нет стариков? – Петя помолчал, выпил самогона. Посмотрел с грустью на Соболева. – И детей нету, а, Петь?

– Так вот. Выстрел в голову работает, и не только в фильмах. Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Пётр прошёл к люку в подвал, открыл его, спустился. Соболев последовал его примеру, но на третьей ступеньке его нога поехала, и он начал стремительно падать. «Осторожно...» начал было Пётр, но Соболев уже свалился. Падая, он зажмурился, а когда приземлился и открыл глаза, то обнаружил себя лежащим на кровати в одежде. Ему редко снились такие реалистичные сны. Пожалуй, ТАКОЙ реалистичный сон ему приснился впервые в жизни.

Соболев вышел во двор по нужде, не переставая прокручивать в голове разговор с Петром. В деревне тут и там слышались звуки, деревня жила. Издалека доносился стук молотка об железо. А может в селе и впрямь живёт кузнец, косая сажень в плечах? Очень хотелось бы надеяться, что кузнец не является по совместительству родственником Нади. И не придёт к Соболеву с молотом, как рисовало ему больное воображение. На улице было хорошо, и Соболев решил, что пора выбирать: уезжать отсюда нафиг, или начинать копать. Для начала хотя бы познакомиться с местными. И пока не выпал снег, пару раз еще наведаться в райцентр. Может быть даже, этого хватит для получения нужной информации, и можно будет уехать. С чистой совестью. Ну, или с почти чистой. Соболев даже знал, с кем нужно поговорить в райцентре. Кто знает больше всех. Обо всём и всегда.

Люк в погреб. Аккуратная дверца, с ровным слоем краски, с новым кольцом. Как и всё в этом доме. Если бы Соболев жил в деревне, где всё надо делать своими руками, его собственный дом давно бы превратился в помойку. Интересно, за то время, пока он тут живёт, многое успеет поломаться? Соболев впервые порадовался, что в доме нет воды и канализации. Это именно то, что в Москве у Соболева ломалось и засорялось с завидной регулярностью, и что ремонтировали специально обученные люди. Надо бережно ко всему относиться, подумал Соболев, и осторожно поднял крышку люка. Интересно, почему он скатился по ступеням во сне? Да просто, чтобы проснуться. Соболев спустился без происшествий, прошёл на середину подвала, и начал изучать обстановку. Вот ящички с овощами. Соболев ещё в первый раз заметил, как грамотно сделаны ёмкости под овощи. Ящик под картошку был сколочен из досок, между которыми было расстояние в несколько сантиметров. Этаким ящик-сетка. Морковь была пересыпана сухим песком, а свёкла – листьями. Над ящичками висела капуста на крюках, подцепленная за кочаны. Молодец Пётр, куда не посмотри, одно слово – молодец. Соболев прошёл мимо ящичков с овощами, подошёл к стеллажам. Кстати, интересно, кто строил эту избу? По погребу можно было ходить совершенно спокойно, не пригибаясь. На стеллажах, которые стояли вдоль четырёх стен, последовательно хранились: тыквы и кабачки. Заготовки из помидор, огурцов, перцев, и, кажется, хрена с помидорами. Костя вспомнил вкус хреновины, которую давно не ел, почувствовал, как слюна заполняет рот, и прихватил баночку. У третьей стены стояли банки с вареньем. А у четвертой – целый стеллаж самогона. Между вареньем и самогоном Соболев и увидел сундук. Невысокий, длинный сундучок, больше похожий на простой ящик, закрытый на замок. Ключ висел на гвозде, вбитом в самогонный стеллаж. Костя открыл ящик и увидел мешковину. Сердце провалилось куда-то в живот, и нехотя вернулось обратно. Чёрт возьми, он ведь доктор наук, а не охотник. Соболева охватило желание закрыть ящик. И

ключ выбросить. Закопать. Нет, проглотить. Чтобы уж точно не тянуло больше туда заглядывать. Не трусь, учёный. Разворачивай тряпку. И радуйся. В этой деревне ты, кажется, получил сверхспособность: начал видеть вещие сны.

Ружьё было как ружьё, а к нему патроны. Соболев первый раз так близко видел оружие. Он сфотографировал его на телефон, чтобы потом прогуглить как следует, какое средство защиты ему досталось. Вот именно, защиты, а вовсе не охоты. Телефон Соболев поставил на зарядку, и начал потихоньку собираться в Запрудный. Баня, видимо, откладывалась до завтра. Умылся, оделся и сел ждать, пока сотовый зарядится на сто процентов. Наверное, надо как-то систематизировать свой график в этой деревне, а то пока получается и правда чепуха какая-то: пьянки-девочки, как говорит Петя. Соболев достал из рюкзака карманный блокнот, открыл на первой странице и написал:

16 октября: съездить в райцентр, собрать информацию.

Посидел, подумал и продолжил на следующей странице:

17 октября: затопить баню, пройтись по деревне, познакомиться с местными.

Ну, и пока хватит. А дальше буду записывать по мере того, как всё будет продвигаться. Косте вдруг стало тоскливо. Так тоскливо, что захотелось стать маленьким, и к маме на ручки. Куда и зачем он влез? Что им движет? Вон стоит рюкзак у стены. Покидать в него своё нехитрое барахло, посадить собаку в машину, сказать Вове, чтобы забирал Монику, и напрямик до Красноярска. А? Ведь всё так просто. У него ещё даже останется прилично от отпуска, чтобы отдохнуть. Например, слетать в Турцию. Или на Кипр.

Мы не цельны. Внутри человека почти всегда идёт борьба. Труса с храбрецом. Умного с дураком. Доброго со злым. Нежного с грубым. Здорового с больным. Желającego жить с самоубийцей. Список можно продолжать до бесконечности. Когда мы живём в привычной спокойной обстановке, борьба не так активна, или вообще стихает. Но когда мы перемещаемся в экстремальную плоскость, все демоны вдруг оживают в нашей душе. Они и ожили в Соболеве. Терзали его, рвали на части. Доктор наук недоумевал, куда и зачем принесло Соболева. Спокойно и с достоинством удивлялся, ни к чему не побуждая. А вот малодушный трус всё время тянул сесть в машину, и уехать подальше отсюда. При этом любознательный отчаянный храбрец настаивал на том, чтобы разобраться в загадке населенного пункта, в который Соболева видимо он же и приволок. Ох, грехи наши тяжкие, как непросто быть человеком! Послушав всех, одновременно и по очереди, Соболев понял одну простую вещь. Страшную, но такую очевидную. Он не только постарается разобраться в том, что тут происходит, и можно ли с этим что-то сделать. Он останется в Позднем до 22 марта. Он должен убедиться в том, что это не сказка. Увидеть своими глазами. Иначе не будет ему покоя до самой смерти на этой земле.

Сегодня Гэри не стал валяться на заднем сидении. Сидел, подпирая головой потолок. Смотрел в окно. На Соболева не обращал внимания, будто не он машину ведёт, а она сама по себе едет. Костя поглядывал в зеркало заднего вида на важную псину и посмеивался:

– Ты мне, главное, люк в потолке не продави. Может, лучше ляжешь?

Алабай даже ухом не повел. Как будто не слышал, что к нему обращаются. Спасибо, хоть не создавал проблем с посадкой в машину. Запрыгивал, как только перед ним открывали дверь.

– Раз так, будешь в машине сидеть. Никуда тебя с собой не возьму.

Ноль реакции. Обиделся что ли? Да ну и Бог с ним. Главное, чтобы не укусил. Такой укусит, и полруки махом отъест. Но Гэри ещё даже ни разу ни на кого не рыкнул. Иногда ворчал, но это не в счёт. Соболев подъехал в интернет-кафе около автостанции и задумался. Пойти, посидеть в сети в нормальных условиях, или терзать смартфон, разглядывая мелкие буквы на экране? Собака сидит в машине спокойно, щёлку для воздуха ему оставить, да и всё. Кстати! Или некстати?

– Гэри, пива надо купить. Чтобы дома было пиво. Ящика три. Напомни мне, слышишь?

Соболев, довольный своей шуткой, решил всё-таки пойти поискать информацию, сидя за нормальным компьютером. На большом экране, так сказать. Гэри не отреагировал на уход Соболева ровным счётом никак. Да и слава Богу!

Народу в кафе не было, и это его порадовало. Но Костя всё равно выбрал самый дальний компьютер, оплатил час и забил в поисковик:

Деревня позднее живые мертвецы

Получил ссылки на фильмы, книги, и прочую развлекательную лабуду про живых мертвецов. Соболев удалил два последних слова. Поисковик выдал информацию о селах: Позднее, Поздново, Поздняки. Ну и что? Уходить? Соболеву казалось глупым оплатить час, и уйти через три минуты. Раз у него есть это время, надо им воспользоваться. Чем больше разных комбинаций набирал Костя, тем ниже падал его боевой настрой. Деревня Позднее не только отсутствовала на картах, но и нигде не упоминалась в интернете. А так бывает? Соболев подумал, и написал: слухи о живых мертвецах. Получил целый ворох ссылок на статьи о знаменитом сериале. Ему захотелось выть. Он ввел ещё несколько комбинаций запросов, и на каждый старательно пролистывал по несколько страниц. Ничего. Не заплакать бы. Соболев предусмотрительно почистил историю в браузере, встал и пошёл к двери. Дремлющий за компьютером парень-админ в наушниках удивлённо вскинулся:

– Уже уходите?

– Покурить выйду.

– Аа.. Ну, хорошо. Раньше тут можно было, а теперь...

– Да, точно.

Костя вышел из стеклянных дверей, постоял на крыльце, вынул пачку, вытряхнул сигарету, поджег. Не закурить бы, правда. Он давно бросил. Очень давно. В пятнадцать начал, в двадцать бросил. Курение отвлекало от науки, пришлось выбирать. Соболев выбрал науку. Но когда выпивал, всегда тянуло подымить. Соболев затянулся и вытащил телефон. Набрал номер Петинной сестры, ответил мужской голос.

– Я ружьё нашёл. – брякнул Соболев.

– Молодец. – ответили на том конце провода. – До весны стало быть остаешься?

– Похоже на то. А выстрел в голову работает, действительно?

– Да. – подумав ответил Петя. – Как там мои звери?

Звери! Он же не заходил к Монике сегодня. Вот он осёл! Овса у неё там достаточно, вода тоже есть. Должна быть. А всё равно осёл!

– Ты что? Про кобылу забыл? А обещал на руках носить...

– И что будет теперь будет?

– Да ничего не будет. Но вечером зайди.

– Зайду, извини. Просто она там молчит.

– Её бы вообще и прогулять бы надо. Не хочешь запрягать, так хоть по деревне пройдишь с ней, слышишь, Костя?

– Понял. Извини, дурака. Просто нажрался вчера. У тебя самогон такой чудесный.

– Стресс снимал что ли?

– Ну, да.

– А с кем?

– Один. – сказал Соболев, помявшись. Он был не готов покаяться, что в первую же ночь притащил женщину к Пете в дом. И пусть даже женщина притащилась сама, так сказать, всё равно ему было неловко.

– Ты ещё и алкаш. – резюмировал Петя. – Один пьёшь. Ты чего звонишь-то? Про ружьё рассказать? Или спросить чего хотел?

– Да вроде ничего пока. А по поводу того, что алкаш... мне просто надо привыкнуть. Дать Гэри трубку?

– До связи, учёный. – хмыкнул Петя и отсоединился.

Соболев подошел к машине, проверил собаку, и пошёл искать стоянку такси. По логике, она где-то тут. ЖД станция плюс автовокзал – где еще может быть стоянка? Когда Соболев приехал в Запрудный, таксист буквально встретил его у вагона, объявил адекватную цену, и проводил к машине. Не предупредил, что до деревни не довезет, сволочь. Костя запомнил того таксиста, и для себя решил, что с ним разговаривать не будет. Найдет другого. Таксисты постоянно работают с людьми, и ездят в разные точки. Они должны хоть что-нибудь знать. Не могут не знать. Ведь не случайно ТОТ таксист высадил его у леса. А вот и стоянка. Да... это не Москва. На маленьком пяточке стояло две волги, и один из водителей был старый Костин знакомый. А второй таксист оказался из рода «дорогу покажешь». В Москве это были армяне и таджики, тут – насколько Соболев разобрался в национальностях – казах. Кажется. На ломаном русском он объяснил Соболеву, что не понимает, чего тот от него хочет. А ехать готов. Хоть сейчас. И показал навигатор в планшете, довольно посверкивая желтыми коронками. Проклять...

Соболев отошел от машины, подумал, что терять ему в любом случае нечего, и быстро залез во вторую машину. Водитель гадал кроссворд и слушал русское радио. На появление Соболева неспешно отложил своё занятие и спросил «куда?».

– Никуда. У меня машина в трех метрах.

– Прикурить что ли надо?

– Поговорить надо.

– Я тебя знаю? Постой. Ты Наташкин муж, что ли? Да не было ничего! Не слушай её. Она пьяная была, и вообще ничего не помнит. Я её просто подвёз, по-дружески. А вообще смотри, они там на этих корпоративах напиваются, и непонятно чем занимаются. Взяли тоже моду, корпоративы у них. Я, например, своей сказал: никаких корпоративов. Вышла замуж: борщ вари, и за пацаном смотри. И ты своей скажи. А то, разве дело – баба пьяная домой добирается одна. А вот если бы я не подвез, а? То-то же.

Соболев терпеливо выслушал рассказ таксиста. Просто не хотелось перебивать такую пламенную речь. Его обрадовало то, что в принципе водитель оказался болтливым. Главное теперь направить эту болтливость в нужное русло.

– Как тебя зовут?

– Игорь.

– А меня Костя. Очень приятно.

– И мне. Погоди... как Костя? У Наташки же мужа Лёшей зовут?

Соболев с большим трудом сдерживал смех. Нельзя смеяться. А то Игорь разозлится и точно уже ничего не расскажет.

– Ты правда не помнишь, откуда знаешь меня? Ты меня позавчера подвозил.

– И че? Знаешь, вас скока? Забыл что ли чего? Так я вроде ничего не находил.

Костя решил, что надо срочно сменить тактику. А то они долго будут играть в «угадай мелодию». Он прикинул, что у него осталось в кошельке из наличных, и спросил:

– Игорь, хочешь заработать тысячу рублей? Ехать никуда не надо.

– Кто ж не хочет! А че делать надо?

– Ты меня позавчера подвозил до Позднего. Правда, высадил на дороге у леса. Хотя машина там вполне может проехать, я проверял.

Таксист застонал и стукнул кулаком по рулю.

– Успокойся. Что бы ты мне не сказал – я не собираюсь никуда дальше это передавать. И честно заплачу тебе. Ну. Ну! Не зря же ты отказался меня подвозить до места. Что ты знаешь об этой деревне? Откуда знаешь? С кем я могу поговорить, кто знает больше тебя?

– А не многовато вопросов? – усмехнулся таксист. – Пять тысяч. Или вали отсюда.

– Ты не охренел?

– Нет. В самый раз. Пять тысяч, и расскажу всё, что знаю. Деньги вперед! На дополнительные вопросы даже могу ответить. – хихикнул Игорь.

– Ты в институте учился, что ли? – удивился Соболев, доставая деньги.

– Учился когда-то. В прошлой жизни.

Таксист внимательно изучил купюры, аккуратно сложил и убрал их в карман. Снял кепку, и Костя заметил, что Игорь не так молод, как ему показалось вначале. Седые виски, глубокие морщины на лице, выцветшие глаза. Мужчина приоткрыл окно, закурил вонючую дешевую сигарету, выдохнул дым.

– Я не знаю, за каким хреном тебе это надо. Да и не хочу знать. Мой тебе совет: проваливай туда, откуда ты там припёрся. Из Москвы, судя по говору? Но ты же не за советом сюда явился, верно?

– Верно.

– Ну, тогда слушай...

«Ты вроде говорил, что учёный? Изучать чего-то там приехал. Исследовать. А нечего тебе тут изучать. Не по адресу ты попал, товарищ ученый. Конкретно не по адресу. Не ищи чудес там, где их нет. Точно я ничего не знаю. Кроме того, что раньше на том месте, где сейчас Позднее, была деревня. В начале прошлого века. Только дома стояли не полукругом, как сейчас. А рядами. Дружная, хорошая, работающая деревня была. А потом устроили они восстание против барина своего. Чего ты на меня так смотришь? Да, давно это было. До революции ещё. Устроили восстание, мол, крепостное право давно отменили, хватит нас пользоваться за гроши. Хотим, мол, и для себя пожить, а ты нас душишь повинностями да податями. Мы выходных, говорят, хотим и праздники отмечать по-людски, а не только батрачить. Зря они это. Барин, говорят, зверюга у них был. Праздника, говорит, хотите? Ну, вот вам салют. Получайте. Всех загнали в дома и заколотили двери. Окружили деревню надсмотрщики с собаками, чтобы не сбежал никто, и подожгли. Вместе со стариками и детьми. У барина таких деревень с десятков в поместье было. Ему деревней больше, деревней меньше. Изверг, одним словом. Нелюдь. И стала та земля проклятой. Невозможно на ней не то, что жить стало, а просто мимо ходить было опасно. Люди там пропадали. Или возвращались седые, да ни слова вымолвить не могли. Обходили эту территорию за километр, а то и за два, все жители района. Лет тридцать к ряду там никого и ничего не было. А потом вишь жизнь зародилась. Кто-то отважился там поселиться. Выросла новая деревня. Да не простая, а с чудесами, прости Господи. Это всё, что я знаю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.